

Литературная газета

Пятница, 15 октября 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

№ 56 (692)

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ ОЧЕРЕДНОМ ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП(б)

11—12 ОКТЯБРЯ СОСТОЯЛСЯ ОЧЕРЕДНОЙ ПЛЕНУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б).

ПЛЕНУМ РАССМОТРЕЛ ВОПРОСЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР И ПРИНЯЛ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ РЕШЕНИЯ.

ПЛЕНУМ ПРИНЯЛ, КРОМЕ ТОГО, РЕШЕНИЕ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ И АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЕ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СВЯЗИ С ВЫБОРАМИ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР.

ПЛЕНУМ ВВЕЛ В СОСТАВ КАНДИДАТОВ В ЧЛЕНЫ ПОЛИБЮРО ЦК ВКП(б) СЕКРЕТАРЯ ЦК ВКП(б) тов. ЕЖОВА Н. И.

Писатели—в ряды большевистских агитаторов

Избирательная кампания началась. Постановлением правительства назначен день выборов в Верховный Совет СССР — двадцатое декабря. В этот день вся страна — миллионы советских граждан пойдут к избирательным урнам, чтобы выбрать лучших, достойнейших представителей народа, партийных и непартийных большевиков в Верховный орган социалистического государства рабочих и крестьян.

12 октября закончился Пленум Центрального Комитета ВКП(б), который рассмотрел вопросы избирательной кампании и принял соответствующие решения. Пленум принял также решение об организационной и агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с выборами в Верховный Совет СССР.

Развертывающаяся избирательная кампания и связанная с ней огромная подготовительная агитационная работа выдвигают перед советскими писателями — мастерами художественного слова. Слово художника обладает колоссальной силой идейного и эмоционального воздействия, оно доходчиво и доступно широчайшим массам. Советские писатели должны развернуть неутомимую и обширную работу в избирательной кампании. Им есть что пропагандировать, за что агитировать. Двадцать лет существования советской власти чудесно изменили, преобразили нашу родину. Из страны отсталой и нищей, страны, стоявшей под гнетом помещиков и капиталистов, выросла могучая и обильная крепость социализма, в которой миллионы народные массы живут счастливо и свободно, уничтожив навсегда эксплуататорские классы, эксплуатацию человека человеком. Под водительством славной партии большевиков, под мудрым руководством гениальных вождей человечества — Ленина и Сталина — трудящиеся массы добились неслыханных и невиданных в истории побед, разгромили помещиков, капиталистов, интервентов и в кратчайший исторический срок построили социализм.

Творческие силы народа, скованные прежде цепями эксплуататорского общества, развернулись теперь с необычайной силой.

Советский народ с первых дней пролетарской революции и до сего дня выдвигает все больше и больше талантов — героев труда, организаторов, полководцев, стоиков промышленности и сельского хозяйства, деятелей науки и искусства — людей волевого, энергичного, мужественного, закаленного, беззаветного, преданных социалистической родине, великой партии большевиков и ее вождю — великому Сталину.

Расцвела жизнь всех народов Советского Союза, впервые в мире женщины получили наравне с мужчинами равные права с мужчинами, впервые в мире трудящемуся народу обеспечены право на труд, право на отдых, право на образование — великие права, о которых мечтали лучшие умы человечества. Эти права завоеваны Великой социалистической революцией, золотыми буквами записаны в Великой Сталинской Конституции.

Впервые в истории детства в нашей стране стало на деле золотое детство, счастливым детством, материнством стало счастье.

Мы по праву гордимся нашим великим социалистическим отечеством, и нашим писателям есть чем вдохновиться, есть о чем рассказать, есть что показать и воспеть в ярких радостных красках, в глубоких художественных образах, в звонких счастливых песнях.

Формы участия писателей в агитационной работе по избирательной кампании необычайно разнообразны. Всем и каждому найдется дело. Надо написать художественные портреты лучших, знаменитых людей нашей страны, выдвигаемых кандидатами в Верховный Совет СССР. Надо создать их художественные биографии, рассказать, как они боролись за счастье народа, как они работали, как совершали героические дела и подвиги. Надо в рассказах и очерках показывать новых, социалистических людей, изображать в ярких образах рост и победы страны социализма, повесть о новых городах, заводах, о новой жизни, о росте культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Об избирательных округах по выборам в Совет Союза и Совет Национальностей

На основании статей 34 и 35 Конституции СССР и статей 21, 22, 23 и 24 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», ЦИК СССР 11 октября с. г. постановил образовать 569 избирательных округов по выборам в Совет Союза и 574 избирательных округа по выборам в Совет Национальностей.

ИЗВЕЩЕНИЕ ОТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Центральная избирательная комиссия по выборам в Верховный Совет СССР помещается по адресу: г. Москва, Дом Союзов, Пушкинская улица (бывш. Б. Дмитровка), 10-й этаж, 2-й этаж.
Телефоны: Б 0-31-35; К 4-39-62; К 3-44-30.

Изюга выпускает большую серию плакатов-фотоколлажей, посвященную Великой Сталинской Конституции. Художественное оформление плакатов художника Перинкова, фотоколлажи В. Гриняла

О ДНЕ ВЫБОРОВ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР

НА ОСНОВАНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО VIII СЪЕЗДА СОВЕТОВ И СТ. 72 «ПОЛОЖЕНИЯ О ВЫБОРАХ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР» ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ДНЯ ВЫБОРОВ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР НЕ ПОЗДНЕЕ, ЧЕМ ЗА ДВА МЕСЯЦА ДО СРОКА ВЫБОРОВ И В НЕРАБОЧИЙ ДЕНЬ, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. НАЗНАЧИТЬ ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР НА 12 ДЕКАБРЯ 1937 ГОДА.
2. ОБЪЯВИТЬ НАЧАЛО ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР С 12 ОКТЯБРЯ 1937 ГОДА.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР М. КАЛИНИН.
За Секретаря Центрального Исполнительного Комитета СССР
Член Президиума ЦИК СССР А. АНДРЕЕВ.

Москва, Кремль. 11 октября 1937 г.

Об утверждении состава Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР

Постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР

На основании ст. ст. 34 и 35 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», Центральный Исполнительный Комитет СССР постановляет утвердить Центральную избирательную комиссию по выборам в Верховный Совет СССР в составе следующих представителей общественных организаций и обществ трудящихся:

Председатель Центральной избирательной комиссии МОСКАТОВ Петр Георгиевич — от Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов.

Заместитель председателя Центральной избирательной комиссии ШМИДТ Отто Юльевич — от Профессионального союза работников высшей школы и научных учреждений.

Секретарь Центральной избирательной комиссии МАЛЕНКОВ Георгий Максимович — от Профессионального союза работников политико-просветительных учреждений.

Члены Центральной избирательной комиссии:

ХРУШЕВ Никита Сергеевич — от Московской коммунистической организации,
УГАРОВ Александр Иванович — от Ленинградской коммунистической организации,
МЕХЛИС Лев Захарович — от коллектива работников газеты «Правда»,
ШОЛХОВ Михаил Александрович — от Союза советских писателей.

Жители станицы Вешенская и ее соседних районов горды: их земляк, советский писатель, казак Михаил Шолохов в числе пятнадцати лучших представителей многомиллионного народа утвержден членом Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР.

Как член Центральной избирательной комиссии, — говорит Михаил Шолохов, — я, очевидно, должен буду провести значительное время в Москве, погружусь целиком в избирательную кампанию.

Писатель говорит об огромном политическом значении избирательной кампании. Она во весь рост выявляет сознательность масс, их политическую зрелость, их повышенные запросы. На основе личных наблюдений в хорошо знакомой ему казачьей среде Шолохов заключает, что при выборах — как в Верховный Совет, так и в местные Советы — никто не сможет рассчитывать на свои прошлые заслуги. Всема показательно, что даже некоторые органы, успевшие после получения приказа, ничем себя сейчас не проявляющие, вызывают настроение в себе отношении.

От них, — подтверждает г. Шолохов, — требуют, чтобы они всегда оставались людьми ведущими.

М. Шолохов говорит о растущей активности населения. В прежние времена также существовал принцип «тайных» выборов, но, хотя бы атаман. Но это были тайные выборы с явными подкупами, террором, спонсированием, подлогами. Бедняки и середняки знали, что от этих выборов ничего ждать, независимо от того, кто победит — Иванов или Петров. Участвовало в выборах ничтожное меньшинство.

Сейчас это будут выборы массовые в полном смысле этого слова. Народ еще и еще раз опутит себя полновластным хозяином страны, ее богатств.

Враги, конечно, попытаются использовать положение, но их ставка окончательно бита. Казак отлично знает, до чего лютуют, безжалостны-измучены; они знают, что бывшие доныне помогут генерату Фрэнко подавить Испанскую республику, японцам — подавить независимость китайского народа, Гитлеру — в политике провокации мировой войны, даже в Парагвае они выполняют роль презренных наемников капитала.

КОСАРЕВ Александр Васильевич — от Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи,
ГОРШЕНИН Павел Сидорович — от Центрального Совета общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР (Осоевцах),
ШАПОВАЛОВА Татьяна Петровна — от колхозников колхоза «Большевик», Воронежской области,
КОЛЕСНИК Николай Филиппович — от рабочих, служащих и инженеров Харьковского тракторного завода,
СИМОНЖЕНКОВА Матрена Кузминична — от рабочих, служащих и инженеров фабрики им. «Октябрьской Революции»,
ШАПОВАЛОВ Евдоким Илларионович — от колхозников колхоза «Новый Мир», Краснодарского края,
ЕВТУШЕНКО Дмитрий Матвеевич — от Киевской коммунистической организации,
ЮСУПОВ Усман — от Узбекской коммунистической организации.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета СССР М. КАЛИНИН.

За Секретаря Центрального Исполнительного Комитета СССР Член Президиума ЦИК СССР А. АНДРЕЕВ.

Москва, Кремль. 11 октября 1937 г.

ОПРАВДАТЬ ДОВЕРИЕ МНОГОМИЛЛИОННЫХ МАСС

Беседа с Михаилом Шолоховым

★

★

Советские казаки на выборах продемонстрируют единство народа, который отдаст свои голоса партийным и непартийным большевикам.

Разговор закономерно переходит на тему о показе врага в художественной литературе. Здесь, по мнению М. Шолохова, сделать очень мало. Врага у нас показывают плакатно, примитивно. Это разоружает читателя. Одно из немногих исключений — образ Сторожева в романе Н. Вирта «Одичавший». Но зато сильно разочаровывает роман того же писателя «Закономерность». Шолохов очень резко характеризует этот роман как произведение антихудожественное, политически вредное. В романе даны анекдотические неправдоподобные враги, и это может только дезориентировать читателя.

Неполноценно показан враг и облик грядущей войны также в романе П. Павленко «На Востоке». Здесь, — указывает г. Шолохов, — замечается явное упрощение. А ведь Павленко сумел избежать этого в

изображении, например, советских хозяйственников. Эти образы даны тепло, красиво, им безусловно верши.

Упреки в неправдоподобном показе врага относятся не только к литературе, но и ко всем другим областям искусства, например, к кино.

Шолохов приводит в качестве примера фильм «Аэроград» Довженко. Здесь в показе врага много «шалкозакладств», много лишнего, много легковесного. Лишь в дальнейшем может быть более убедительно охарактеризовать особенности японской военизации, японской разведки.

Итак, — заканчивает г. Шолохов, — перед нами серьезнейшая задача: оправдать огромное доверие многомиллионных масс, идущих сейчас к выборам, научиться говорить с ними по-серьезному, правдиво, без малейшей утайки, без малейшей фальши рассказывать о наших друзьях и врагах.

В заключение писатель заявил вашему корреспонденту, что он предполагает приехать в Москву к 23 октября, чтобы присутствовать на премьере «Поднятой целины» в Большом Театре Союза ССР.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН

Станица Вешенская, 14 октября. (По телефону от нашего спец. корреспондента).

Писатели готовятся к выборам в Верховный Совет СССР

ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

А. БАРТО

СЕМЕН КИРСАНОВ

На выборы, в массы!

20 лет тому назад мы, большевики, шли в бой за революцию, Балтийский флот и армия послали своих делегатов на 2-й съезд советов в Петроград. Дав каждому из них по две банки консервов, по второму нагату и сотне патронов, мы категорически требовали:

— До тех пор обратно не возвращаться, пока не сообщите по прямому проводу, что все в полном порядке: власть у Советов.

Это было время, когда гололосоват пришло оружие. Оружие было казенным. Казну надо было сделать нашен.

Период с 25 сентября по 8 октября был тяжелым периодом. Родняки тогда кричали, что лучше погиб бы Балтийский флот и пал бы Петроград, но лишь бы немцы были восстановлены порядок. В те дни германский флот обрушился на нас. Одинадцать немецких линейных кораблей выступили против двух наших: «Славы» и «Гражданина». Девять крейсеров — против трех наших. Сорок семь миноносцев — против наших двадцати шести. Двести шесть вспомогательных судов — против немногих наших плохо оснащенных траулерах.

На гильсинфорском съезде в первые дни октября балтийские матросы с дробью в голосах читали последнее воззвание: «В час, когда звучит сигнал боя и смерти... Морские клялись биться с интервентами, и стены дрожали от возгласов: «Да здравствует власть советов!» В зале раздались проклятия временному правительству и русскому Бонапарту — Керенскому...

Флот встал... Что это были за бои! Родня и ее сны проверялись в смертельном огне.

Если бы немцы ворвались в Финский залив, в Петроград, делу революции был бы нанесен смертельный удар.

Предатели пытались эвакуировать тылы, начать панику и завладеть нас. Но большевики отстояли подступы к Петрограду и не поддались провокациям. Враг был отброшен.

В Балтийском флоте было в 1917 году 105 тысяч человек. Балтийский флот голодал за большевиков. В избирательном списке тогда первым кандидатом был Ленин.

24 октября (6 ноября) появились два документа. Письмо товарища Ленина и передовая статья товарища Сталина. Это были два боевых выступления. Два мощных голоса говорили в унисон. Статья Сталина называлась — «Что нам нужно?»

— Нам нужна власть, нам нужен мир, нужен хлеб, нужны права. Статья была коротка — всего 150—160 строк. Это был сигнал партии.

25 октября (7 ноября) мы пошли в бой. Через сутки власть принадлежала Советам.

Когда вспоминаешь все это, — вновь закипает кровь... Чувствуешь, как мы росли, выжили, с тем мы теперь пойдем на выборы и как много у нас сделано.

Нелегко было отстоять нашу революцию. Немцы обрушились на нас в 13-м году. Они заняли порты северо-западной России, Нарву и Псковскую губернию. Их комманданты, войдя в город, приказывали брать отцепки палачей у каждого русского (приказ генерала графа Кирбоха в Пскове в феврале 1918 г.). Для них каждый русский был преступником. Они расстреливали и издевались над нами. Как и в XII веке теутоны рыцари распинали искиевич и новгородцев на стенах Детинца.

Такой наш враг! У нас достаточно много противников и сейчас. В наши ряды пробрались белые офицеры, старые провокаторы, шпионы... Кучка губернских вельмож и помпадуров «возжелала» старой жизни... Это люди, продавшие нас и наше правительство. Сейчас их изъели. Нам ли, огромному народу, бояться этих прохвостов? Есть ли пороки: «Москва молодых выдала»... За ряд веков народ одолевал и не таких врагов, как сегодняшнее троцкистское подполье. Раздадим мерзавцев. Не мешать стране!

Мы, писатели, — актив, который на выборах пойдет к рабочим и крестьянам, к бойцам армии и флота. Агитировать словом и делом в дни выборов в Верховный Совет! Мы должны дать каждому труженику четкий ответ по всем вопросам, его интересующим. Это — большая и ответственная задача.

К утру нам придет по ста миллионов выборов. Если мир будет вести счет этим голосам. Как реагировала на наши выборы английская печать? В одной английской газете была дана шпалка: «Девяносто миллионов русских будут говорить Сталину: «Да или нет».

Мир будет подсчитывать поданные в СССР голоса. Наши враги будут подсматривать, какие кандидаты будут зачеркнуты в бюллетенях, на какие «резервы» они еще могут рассчитывать в нашей стране. Это надо помнить. Мы пойдем в гущу масс. Наше слово должно быть сильным и живым. Стомиллионное советское «да» коммунистической партии! Громовое «да», которое прокатилось бы по всему миру и вызвало бы содрогание у врага.

Мы должны пойти в гущу трудящихся и работать с максимальным напряжением. Агитируя волю — наш лозунг. На выборы, товарищи!

Советский народ ждет 12 декабря. Он скажет: Сто миллионов «да» Сталину! Сто миллионов «да» испытанным большевикам!

мы спокойны за своих детей

Мы привыкли к тому, что в нашей стране каждый имеет право на труд, на отдых; к тому, что у нас есть бесплатная медицинская помощь, охрана прав матери и ребенка и социальное страхование. Нам кажется естественным, что в нашей стране нет безработицы, что наша молодежь принимает участие в управлении государством. Мы к этому привыкли и считаем это закономерным.

И только сравняя нашу жизнь с тем, что происходит в других странах, мы понимаем, что часто даже недооцениваем то, что дала нам революция.

Делегация советских писателей была на антифашистском конгрессе.

Как-то утром в Париже я услышала голос певца и вышла на балкон. Напротив, на тротуаре, стоял молодой человек, на вид здоровый, приятно одетый. Он пел. Я обратилась к Мих. Кольцову: как же, говорю, французские веселые. Смотрите, шел, а потом остановился и поет.

Мих. Кольцов ответил коротко: дайте ему пять франков, — это безработный. Таких безработных в Париже много. Молодая уборщица в гостинице жалуетсь на нас в боль в ноги.

— А вы обращались к врачу? — спрашивал меня.

— О! — восклицает она, — доктор — это слишком дорогое удовольствие!

На улицах Парижа совсем не видно детей. Мне показались это особенно странным. На московских улицах я привыкла видеть веселых, жизнерадостных ребят. У нас в трамвае уже восемь летских мест.

Я спросила французов: где же ваши дети? «Дети в парках» — ответили мне.

Я поехала в парк. В большом парке детей было столько, сколько у нас на бульваре вокруг памятника Пушкину.

ЛЕВ КАССИЛЬ

ИСТОРИЯ СПРОСИТ

Я с моими спутниками, плывя в Средиземном море на теплоходе «Комсомолец», слушал речь товарища Сталина на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. В кавычках нашего корабля голос, близкий, знакомый, прокатился: «Товарищи!»

Это товарищ Сталин начал свою речь. Мы услышали его голос. Никогда не забуду, как звучала на корабле историческая фраза о праве на труд, на отдых, на образование, о всеобщем, прямом, равном избирательном праве при тайном голосовании.

Наш радостный бег по кораблю и радостные слова товарища Сталина тем, кто не мог, неся вихрь, слышать его голос.

Мы подняли на кормовом флагштоке флаг СССР, утвержденный 144 статьей Сталинской Конституции — размером один на два.

Проплывать под этим флагом хотя бы немного, хотя бы корреспондентом — это большая честь. Это — воспоминание, которое будет жить всегда со мной до последнего дня.

Мы видели, как салютовали нам встречные пароходы. Мы видели, как опускались флаги на испанских судах. Когда проходили мимо германского корабля, мы слышали, как грузчики устроили нам овацию и кричали: «Вива Руссия, вива Сталин!».

Старый испанский профессор права принес нашей уборщице Тане коробку с духами и сказал:

«Я приношу этот подарок вашей женщине. Молодые люди, вы не знаете, в какой стране вы живете».

Он толкал жеман и кричал, что мы не знаем, в какой стране мы живем, так как мы слишком молоды. Он сказал, что мудрость и величие законов, которые существуют в Советском Союзе, он воспринимает лучше, чем мы, так как он — профессор права.

История спросит: как вы воспользовались этими замечательными правами, предоставленными вам?

У нас есть права граждан, есть права и обязанности советских писателей. Нас

называют мастерами слова, нам даны для агитации, для нашей работы такие слова, как демократия, республика, причем мы возвращаем полный блеск, полную чистоту, они освобождаются от той пошлости, которыми их успели загрязнить в капиталистических странах. Это слова, которыми мы должны насытить наши произведения. Мы должны работать на всех участках, во всех пунктах. Надо прийти к людям и подогреть их, чтобы они эмоционально чувствовали те права, ту гордость, о которой так правильно писал Маяковский.

Вот придет день, когда избиратель, держа бюллетень, останется наедине со своей гражданской совестью. Мы должны ему сказать:

— Страна верит тебе, страна уверена в том, что ты выберешь достойного. Голосу!

Надо это рассказать людям. Работаем же мы на этом участке еще очень мало. А люди спрашивают и ждут ответов на свои вопросы.

Наши советские ребята очень ревниво будут оберегать все пункты и параграфы избирательного закона. Недавно одна девочка в школе выступила и предложила осуществить реальный контроль у избирательных ящиков. Она требовала, чтобы в контроле обязательно участвовали ребята — от 3-го класса, а старшим нельзя: они выше ростом и могут заглянуть и увидеть, что пишут.

Я вчера беседовал с одной очень уважаемой писательницей, которая чудовично путает все пункты избирательного закона.

Нечего тут важничать или стесняться. Писателю надо пойти в кружки и изучить избирательный закон.

Я хочу верить, что среди избирателей сердца народа будут и наши писатели, которым доверят высокое звание члена Верховного Совета Союза ССР.

Это будет победа всех нас. Это будет почетное признание нашей литературы. Но это признание надо заработать, и за эту работу надо приниматься сейчас.

За конкретную работу!

Предстоящие выборы в Верховный Совет СССР — это исключительно важное событие в жизни нашей родины — заставят нас, писателей и поэтов, всерьез подумать и об участии нашем в предвыборной работе и о многих наших литературных делах вообще.

Советская литература унаследовала от русской классической литературы одно драгоценное качество, которое некоторые темные литературные дельцы и диверсанты пытались унизить и уничтожить. Это качество: писатель — общественный деятель.

Общественная деятельность писателя, горячее желание советского поэта участвовать своим пером в построении социализма было бы самым на глазу у тех, кому социализм был ненавистен, и потому враги с такой яростью и хитростью при помощи всеческих литейщиков оттирали писателя и поэта от живых и актуальных тем советской действительности.

Писатель — общественный деятель! Но действительность эта не в том, как это теперь стало модно, писать «отклики» и «обращения». Бывает и так, что эти «отклики» на события оказываются отписками от них.

Не только «отклики» или «вызовы» жлет от нас читателей, а литературное дело — произведений, одиозных и совушных с делами социалистической страны.

Мы помним много стихов Маяковского, которые были не только откликами на то или иное событие, а были и остаются смелыми, горячими политическими акциями гражданина-поэта.

Я недавно прочел «Рассвет» с товарищем Лениным Маяковского. Там есть такие строки:

много разных мерзавцев
ходят по нашей земле
и выкрут.
Нету им ни числа
ни клочки
целая лента типов
Кулаки и волокитечки,
подхалимы,
сектанты
и пьяницы —
ходят горло выпятив груди,
в ручках сплотив
и значках нагрудных...
мы их всех,
конечно, скрутим,
но всех скрутить
ужасно трудно.

Читаешь это стихотворение и кажется, что оно написано буквально вчера. Читаешь теперь и радуешься, что работа не скручиванию мерзавцев идет с достаточным размахом. Читаешь эти стихи и радуешься их смелости и прямоте. А у нас писатели часто не касаются некоторых тем только потому, что это «опасные темы». Нет, товарищи, для писателя и поэта, преданного делу социализма и родины, нет опасных тем в Советской стране.

Нам предстоит конкретная предвыборная агитационно-пропагандистская работа. Нам нужно будет разоблачать и показывать кроткие уловки еще не скрученных волокитечек, кулаков и подхалимов и величавых по многим уткам сектантов, попов бранных и безразных.

Я вот читал и думаю: ну, какие у нас, в век авиации, в стране большевиков, стахановцев, атеистов, в 1937 году — пошлы!

Но вот, будучи в командировке в Одессе, в сентябре, мне пришлось познакомиться с очень хитроумной агитработой попов и сектантов.

В Одессе баптисты собирали молодежь, читали «как акакиялся стал» Н. Островского, проводили аналогию между страданиями Островского и страданиями Иисуса Христа. А отсюда рукой подать к дудепа-сительным псалмам и затем к кое-каким «беседам».

Как видно, и нам стоило бы заняться и безобидной пропагандой.

Или такой серьезный факт. Одесса — украинский город и окружен украинскими селами. Но в самом городе многие тысячи русских граждан, родной язык которых — русский. А газеты на русском языке нет. Само собой разумеется, что никакая агитация и пропаганда не получит должного размаха среди русской части одесского населения, если не будет вестись на родном языке. Это надо, и как можно скорее, исправить.

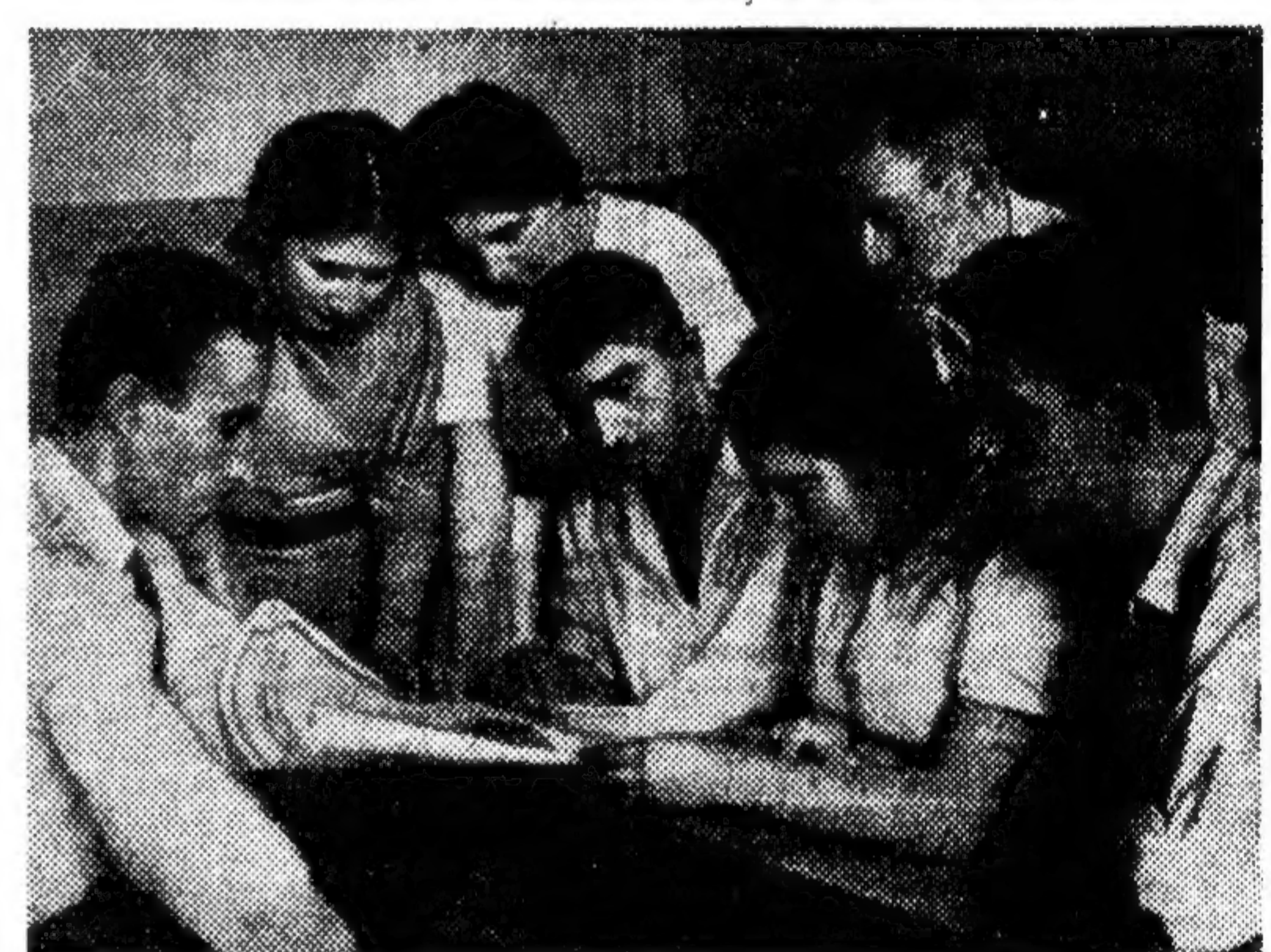
Здесь писатель должен не только социализировать, он, заинтересованный в победе партии, должен настаивать, убеждать, говорить смело и открыто!

Мы, писатели и поэты, примем участие в выборах не только подачей своих бюллетеней на достойных товарищей, — наше участие должно выразиться в наших стихах, фельетонах, песнях, очерках, рассказах, в помощи партии живыми литературными словами.

Я обязуюсь буду писать конкретные убедительные стихи о кандидатах, в избирательных которых я советский избиратель, заинтересован.

И прежде всего я напишу стихи о нашем первом кандидате, именем которого названа в народе наша Конституция, о кандидате, которому мы отдадим не только наши голоса в бюллетенях, но и голоса наших стихов и нашей жизни.

СТРАНА ГОТОВИТСЯ К ВЫБОРАМ

Преподаватель 1-й Тбилисской средней школы тов. Давиташвили (слева) перед уроком беседует с учениками старших классов о Конституции Союза ССР. (Союзфото).

Вс. Вишневский, С. Вашенцев, Ал. Исбах

Оборонные писатели, вперед!

16 октября секретариат Союза советских писателей и редакция журнала «Знамя» созывает актив оборонных писателей. Нужно обсудить насущные вопросы оборонной литературы, причины ее отставания. Нужно вскрыть методы работы врагов, которые вели борьбу с оборонной литературой. Этим делом стремились всерьез и под всякими предлогами подорвать интерес писателей к оборонной теме, отвести писателей от этой темы.

Писателям нужно выработать оборонную комиссию при Союзе советских писателей. Невозможно, по каким причинам она была упразднена. Нет никакого сомнения в том, что оборонные комиссии должны быть немедленно созданы во всех отделениях ССП и должны состоять из знающих, авторитетных писателей. К участию в работе необходимо привлечь представителей ПУР. Они помогут связать творчество писателей с актуальными задачами и жизнью Красной Армии и Флота.

Кадров оборонных писателей у нас есть. Они крепки, проверены, они хотят работать над оборонной темой. Но надо сказать прямо — враги сумели все-таки кое-что сделать, чтобы отвести ряд писателей от оборонной темы. Веческими похемками, всеческими ухищрениями они разбивали интерес писателей к историко-войснй теме, к народному эпосу, к жизни армии.

Не случайно устами шпиона Эйдемана и других людей протаскивались мысли — зачем нам особая оборонная художественная литература, каждое-де произведение и без того обороны и т. д.

Не случайно враги пытались опорочить почти каждую оборонную книгу и повесть, особенно, если они касались вопросов современности или вопросов гражданской войны.

Так было с книгой Л. Рубинштейна «Тропа самураев», успех которой пытался сорвать ныне разоблаченный Ким, повестям разгромил и издательскую статью в «Вестерн» Москве.

Так пытались затереть книгу С. Вашенцева «Канин», которую хорошо встретили читатели и литературная критика. Расстрелянный шпион В. Фельдман начал сразу же после появления книги агитировать против нее. Почему? Потому, очевидно, что кни-

га говорит о культурном, инцидентном, талантливом командире.

Не случайно чуть не полтора года мучились П. Павленко с романом «На Востоке» прежде, чем удалось его напечатать. Враги вроде Гамарника всячески старались приложить грязную руку к книге, задержать издание, выхолостить, поклеить книгу. И когда читатель, читая книгу т. Павленко, видит какие-то провалы в ней, схематичность места, пусть он поинтересуется т. Павленко, как пострадал над тем, чтобы были эти провалы, чтобы схема заменяла жизнь.

Не случайно сначала встречена была в шутку книга Н. Вирта «Одиночество».

Не случайно Вс. Вишневскому приходилось с боем отбивать каждую свою книгу, каждую свою повесть, каждый сценарий. Враги пытались сорвать в ЦТКА «Первую книгу», запрещали «Оптимистическое трагедии» и сценарий «Мы из Кронштадта».

Ведь все это — оборонная литература, все это оружие защиты нашей родины. Враги стремились выбить его из рук писателей. Примеры их работы можно было бы умножить.

Пытались ослабить и нейтрализовать оборонную художественную литературу, враги в то же время поднимали на щит книги типа «Болшевики», в которых воспевався матер шоня Йюла, в которых воспевався и другие враги и шпионы. Такого сорта «литературы» пытались кормить читателей.

Какими методами пользовались враги? Методами были самые разнообразные. Затягивание выхода книги, вымывание нервов из писателя, износ его организма в книге или пьесе. Оторочивание книг по всякому пустому поводу. Например, стоит авторитетно сказать о какой-нибудь книге (особенно о современной Красной Армии), что такое-то место не совпадает с Уставом — и все! На основании маленькой ошибки, не играющей никакой роли в существовании книги, оторочивается вся книга. Самый легкий и безобидный способ уничтожения книги!

Враги прибегали и к активным воздействиям через критику. То в одном, то в другом журнале или на дискуссионном, например, по поводу исторического романа, враги наносили удары то одному, то другому произведению. На азербайджанских квартирах бывшие

белогвардейцы и польские легионеры — Мирские и Бруно Ясенские — заточивали целые платформы, которые должны были ориентировать критиков. (Достаточно показательно история со статьей Мирского о Фадееве). Такая же работа проделывалась и в Ленинграде, и в Киеве сволочной компанией троцкистов, знаменцев, шестидесятников.

Враги захватывали все дверки для проникновения широкой исторической темы в литературу. Для них история была мертвой схемой. Народ они считали нацией Обломовых. В их поганой предательской критике не существовало воли истории национальной литературы. Для них никогда не было Новгорода и Пскова с их бесмертными летописями, песнями, былинами. Для них не существовало изумительная русская письменность, создавшая могучие эпические произведения. Они не знали, а если и знали, то старались стереть всякую память о замечательных документах периода борьбы с теутонами, с монгольским игом, с польской шляхтой.

Воем тем тысячелетняя история русской литературы не существовала для этой банды. Они голами суетовили, перевертывая всякие наты, промозгла схематические построения, калеча и уродуя историю, литературу, народный дух. Это были неестественные и злобные типы, для которых не существовало никогда поэзии, красоты и прелести народной песни. Когда эта шакаля говорила о литературе, ее мысли, слова, терминология не выполняли задачу ее купно и бедно бытия. Они показали на крошечном участке: «от вторжения РАШД до сего дня». Если сейчас печатать их «труды», ужас охватит каждого.

Эти люди не знали войн, боев, армии. Они не знали души солдата, матроса, красноармейца. Они не знали гигантской славы боевой истории нашего народа. И когда писатель, человек с настоящим сердцем, человек, выросший в народе, хотел полюбить к исторической и военной теме, его отпугивали, на него кричали, на него лгали.

Когда писатель все-таки упорно шел к этой теме, ему говорили угрожающе: об армии писать нельзя, тема секретная. Писатель возмущался: писать нужно, партия, народ ждут наших книг. Тогда ему говорили: произведения создаются на основе конфликтов, а в

войснй среде конфликтов нет. Когда писатель говорил, что воспеваема тема — и есть тема величайших всемирных конфликтов, враги придумывали какой-нибудь новый ход.

Когда враги пробрались в редакцию журналов и газет, они со злободушием превращали оборонную тему в хроникальный улол. Там печатали какие-нибудь беспомощные заметки или казенные отписки. Нехоти, со скрипом они вытаскивали военную тему к 23 февраля, но и тут ухитрялись что-нибудь испостыжить, искалечить.

Мы еще не все проверили, что наделали эти люди. Пусть каждый писатель глубочайшим образом проверит свои мысли, наблюдения, относящиеся к проблематике войны, к проблематике оборонной литературы.

Всю методологию враги надо обнажить беспощадно. В литературу должна хлынуть здоровая живительная струя народного эпического творчества, величия войн России, Украины, Грузии. На территории нашей земли многие века происходили поразительнейшие события. Наш народ пытался сдвинуть со всех сторон. Были нападения кочевников, теутонов, польской шляхты, монгол.

Это была многовековая борьба на колдовом фронте. Россия веками отбивалась, оруженая врагами со всех сторон. История и писателям нужно еще изучать и углубляться в события V века, когда наш народ еще в зачаточном своем состоянии сталкивался и отбрасывал врагов. Надо вскрывать жизнь, деяния и подвиги Киевской Руси. Надо десятилетия и восторг дала Великому Новгороду, Пскову, Владимиру Суздаль, Москве. Надо заново переписать всю историю, не доверяясь материалам XIX века, критически относясь к спору славянофилов и западников, проверяя археологией, историографией.

Надо преодолеть традицию Карамзина, давление школы Покровского. Надо проделать работу огромнейшую. Надо дуться в архивы, надо пойти на Чудское озеро, на Кулиново поле, к Борюну, Смоленску, Березине, на Волгу, по сибирским тропам и рекам, на Украину, на Черное море, на Кавказ. Надо исследовать по всем маршрутам, по которым проходили дружины и полки народа. Собирать малейшие следы, внимательно работать с топографами, в музеях, записывать песни, сказания.

Надо извлечь с запада и с востока все, что было записано и сказано о нашей стране. Надо создавать многотомную историю России и народов СССР — для всего мира. Делу этому надо отдавать всю жизнь. Надо считать, что наши писатели и историки лишь положили и осознавали всей этой задачи. Произведения, сделанные советскими писателями, — лишь начало огромной историко-литературной общенародной задачи.

Враги пропагандировали идею, будто нечего больше писать о гражданской войне. Все, якобы, уже рассказано. Надо развить эти вражеские «теории».

Гражданская война, ее герои, — огромный пламя тема на многие и многие годы. Мы только приступили к этой теме. Образ фургонковского «Чапаева» стоит перед нами, как яркий пример.

Далеко не благополучно с показом современной Красной Армии. Эта тема все время находилась в загоде. Враги старались отпугнуть от нее писателей. Жизнь современной Красной Армии должна быть показана во всей ее сложности и многогранности.

Особо интересна и важна тема о будущих войнах.

Оборонная литература в нашем народе рождена более тысячелетия тому назад. Оборонная литература — это не административная клетка, не название какого-то сектора ССП, оборонная литература — это азальная слава. Оборонная литература России началась с былин — о славе богатырей. Эта литература — страстная слово о полку Игоревом. Это — эпос веков, в который ныне плетаются имена героев гражданской войны.

Нашу гордость — оборонную литературу, действие которой мы видим сейчас в СССР и разных странах мира, враги хотели уничтожить. Но коса наша на камень. Народные оборонные писатели с честью выдержали этот натиск, не отступили, не рассказали, не рассказали, а ответили ударом. Враги здесь здорово просчитались.

Основные кадры оборонных писателей как были, так и остались. Они сгруппировались вокруг журнала «Знамя».

Сейчас наша задача — всемерно расширить эти кадры, разяснить писателям, что тема защиты родины — самая почетная тема. Что читатель простит им случайные мелкие ошибки в Уставе, если их произведения в целом — честные, искренние, полные, пропитанные любовью к социалистическому отечеству.

Не всегда так поступают наши критики, даже те из них, кто может быть побуждаем самыми лучшими намерениями.

В номере «Советского искусства» от 5/Х в заметке о пьесе Л. Леонова «Половчанские сяды» читатель т. Болонский, между прочим, написал:

«И в третьих, в Красной Армии командир Героя не «ступайте», а «исполняйте!» (Речь идет о том, что в пьесе Леонова командир, выслушав ординара, сказал «исполняйте»).

Не вдаваясь в вопрос о том, хорошая эта пьеса или плохая, мы только хотим отметить, что такого сорта «критика» способна только отпугнуть писателя.

Болонский не понимает, что командиры не

попугай и не манекен, он может сказать и «ступайте» и «идите», и даже «ступай» и «иди», хотя по правилам и надо говорить ни «вы» и «исполняйте». В жизни, в бою, на маневрах командиры говорят по-разному.

В «Красной звезде» от 9/Х в заметке «Памятные встречи» мы читали следующие строки:

«Сдерживая волнение, в карту парком входил красноречивый Редяк — линкорский коз. В его руках проба, Редяк докладывал».

Товарищ народный комиссар обороны СССР. Проба ужина с общего камбуза президеда. Дежурный коз Редяк.

— Зарывайте, товарищ Редяк, — говорит нарком. Затем спрашивает: — Откуда родом?

— Из Донецкой области, товарищ нарком. — Земляк, значит?

— Ужина нравится нарком. Ничего не скажешь, вкусный, очень вкусный ужин.

— Ну, что же, тов. Редяк, приготовлено хорошо».

С точки зрения «механической» критики, Климентий Ефремович трагично нарушил правила.

«Механический» критик сказал бы, что, во-первых, нельзя называть коза по фамилии, во-вторых, нельзя обращаться к нему о частными вопросами, а в третьих, надо сказать «исполняйте», а не «ну, что же, тов. Редяк, приготовлено хорошо».

Но это с точки зрения «механической» критики. А в жизни это бывает иначе. Суровый умел с солдатами находить простой человеческий язык. Кутузов тоже находил его. Наш маршал тем более знает этот простой человеческий язык в общении с красноармейцами. Пусть это и не нравится «механическим» критикам.

К счастью, «механический» критиком не много среди наших читателей. Читатель, и особенно читатель Красной Армии, — культурный, здравомыслящий, серьезный. Он понимает, что литература не является дополнением или комментарием к Уставу.

В. ГОФЕНШЕФЕР

М. Шолохов

Подлинный представитель советской литературы

Среди многочисленных писем, получаемых Шолоховым со всех концов нашей страны, есть немало писем, в которых читатели нетерпеливо спрашивают о дальнейшей судьбе героя «Тихого Дона» Григория Мелехова. Только сейчас, почти через десять лет после написания первой книги «Тихого Дона», Шолохов заканчивает четвертую и последнюю книгу этого романа. С жадностью и настороженным протестом отрывки из этой книги, изредка появлявшиеся в центральных газетах, потому что находились в наихудшем, интересном, нужном.

Недавно в «Правде» была напечатана глава, в которой рассказывается о возвращении Пантелея Прокофьевича к себе на хутор после отступления красных и о том, как была привезена домой израненная Григорий. Трудно, конечно, по отрывку судить о том, что происходит на протяжении всего романа, но на рассказанном в этой главе вы можете заключить, например, об интересной эволюции старика Мелехова.

«Война, от которой бежал Пантелея Прокофьевич, сама пришла к нему во двор, оставив после себя безобразные следы разрушения», — Пантелея Прокофьевича нативает смотреть на безобразные движения, как на чужое ему дело. Запасшись оправкой от фельдшера, он отнимает от военной службы. Не сознавая себе и другим в перемене настроения, он внешне ведет себя таким же бодрым старым воином, который на минуту не сомневается в том, что казаки, добывая «мужиков» и возмущают Москву. Беспокойство по своему юмору сценки хвастовства Пантелея Прокофьевича перед Бодяговым, сомневающимся в успехе казаков и рассказавшим о том, как старые казаки «так ухаживали от красных, что ни на одном полушубке не осталось, все о себе до живого тела на-бегу посылали и похалили».

Пантелея Прокофьевича мог ответить не только общим рассуждением о соотношении полушубка и человеческой жизни и совершенно неуместной оптимистической сентенцией: «Дело не в полушубке, или, скажем, в винушке, а в том, чтобы преуспешно неприятеля разить». В своем наивно-хитром баялстве он реально становится похожим на классических шолоховских смешных стариков — деду Сашку, Шукра и других.

Но в данном случае под смешными чертами скрывается большая трагедия. Поведение Пантелея Прокофьевича и его самоуверенное баялство выступают как смешные стороны трагических колебаний трудового казачества, колебаний, все мучительнее и сложнее которых воплощены в образе Григория Мелехова.

Это — вывод о целом, сделанный лишь на основании одного эпизода. Но читатель может рискнуть и сделать этот вывод, так как речь идет о романе писателя, у которого каждая глава и каждая страница полны чуждым основным замыслу произведения и воплощают характерные черты действительности.

Когда вышла первая книга Шолохова, автор ее было двадцать лет. В предисловии к его «Донским рассказам» А. Серафимович написал: «Как степной цвет, живым пятном встает рассказ о Шолохова. Просто, ярко, и рассказываемое, чувствуешь — перед глазами стоит. Образный язык, тот цветовой язык, которым говорит казачество. Скажи, и это скажет полка жизни, выживания и прайды».

Чувство меры в остроту моментах, и оттого он прозывается. Огромное знание того, о чем рассказывает. Тонкий, схватывающий глаз. Умение выбирать из многих признаков наиболее характерные.

Все данные за то, что М. Шолохов развешивает в ценного писателя, — только учиться, только работать над каждой строчкой, не торопиться.

С тех пор как была дана эта характеристика, Шолохов написал три книги «Тихого Дона» и одну книгу «Поднятая целина». Предсказание Серафимовича сбылось: Шолохов стал крупнейшим советским писателем, одним из талантливейших и лучших мастеров нашей литературы.

Не рекламная шумиха, создаваемая товарищами по «группе» (не было ее у Шолохова), и не трескучая декларация (не провозглашение их Шолохов) овеяла писателя ту популярность, которую он пользуется в нашей стране.

В момент появления первой книги «Тихого Дона» кое-кто пытался изобразить дело таким образом, что произведение никакого отношения к социалистической литературе не имеет.

Отрицать талантливость «Тихого Дона» никак нельзя было. Но врагам надо было во что бы то ни стало снизить его значение. И вот предпринимается первый демарш: да, книга талантлива, но никакого отношения к советской литературе она не имеет, и даже написана она не Шолоховым. Номер не прошел. Открытая вражеская вылазка была разоблачена. Вслед за этим выступил новый период в судьбе и репутации романа и ее автора. «Тихий Дон» превзошел в печати. На сей раз Шолоховым вылился «назвистовый». Да, «Тихий Дон» талантливо произведение. Но Шолохов это не Киплинг и не Чингизидин, и его роман не признается произведением пролетарской литературы. Шолохов вытолкнулся в ряды пролетарских писателей с оговоркой, что это не совсем «наш» писатель, что это «деловое» серьезнейшее, идущее в пролетариату, что это «интерпретированное» (было и такая категория) и т. д.

Партия разбавила все эти гнилые трюки-стрелы попыткой дискредитировать крупнейшего советского писателя.

Уже в самом выборе материала действительности и в выборе метода раскрытия этого материала скрывается талантливость и смелость Шолохова как художника. Казачество и его судьбы в годы социалистической революции — вот что является предметом изображения в его произведениях. Общественно (в том духе, как определял материалистический объективизм Ленин в «Экономическом содержании народничества»), всестороннее раскрытие существа происходящих событий, следование глубо-

Михаил Шолохов

кому принципу, мейсцему, что «тенденция должна сама по себе вытекать из положения и действия, без того, чтобы на это особо указывалось» (Энгельс), — вот что характеризует его подход к предмету изображения. Это путь наибольшего сопротивления, но и путь наибольших художественных достижений.

Наряду с специфическими чертами, свойственными людям тихого Дона, мы находим в произведениях Шолохова изображение событий, типичных для деревни вообще. Классовое расслоение и жестокая борьба в деревне, в первые месяцы и годы революции, взрывные страсти, разрывавшие во имя собственности, политическая раздора в крестьянской семье — такими мотивами рисует Шолохов. Они переходят затем в «Тихий Дон» — эту величайшую историческую эпопею, в которой на обширном материале дореволюционной жизни казачества и выходов гражданской войны на Дон раскрываются не только судьбы казаков, но и российский среднего крестьянина вообще. «Тихий Дон» является как бы развернутой предисловием к «Поднятой целине», где изображена классовая борьба в деревне на новом этапе, решительная схватка с кулачеством, коллективизация, нежные общинные чувства, нарастающие новые отношения людей друг к другу и к вещам. Все это происходило не только в донских станицах и хуторах. Но на Дону эти события отличались особой остротой, ибо здесь они развивались в наиболее реакционной среде, в казачьей среде, в которой «идиотизм деревенской жизни» сочетался с вековыми основными традициями.

В чрезвычайно колоритных тонах изображал Шолохов в «Тихом Доне» старую казачью быт. Это было сделано не для «идеализации» старого быта и «любования» им (как это утверждали некоторые критики), а для того, чтобы лучше показать то, что в дальнейшем пришлось преодолеть на своем пути персонажам романа. Разве могли бы мы хорошо понять метания Григория, если бы мы не знали, не ощутили тех традиций, которые выжили в его крови и мускулах, которые калечили его и тянули назад?

Шаг за шагом разрушает Шолохов схематическое представление о казаке о легкой, шаг за шагом, не торопясь, рисует его разгоревшуюся на Дону классовую борьбу, в процессе которой Григорий пытается убеждать в том, что ему с «господами» по пути. Мы не знаем еще, как конкретно закончится четвертая книга романа. Но тенденция романа уже давно нашла свое разрешение в самой действительности. Трудовое казачество навсегда связано со судьбой о судьбы социалистической революции. Там более интересно сейчас читать и перечитывать «Тихий Дон», тем о большем интересом ждем мы последнюю книгу.

Тем не менее интересом порочиваешь сейчас «Поднятую целину», в которой раскрываются о событиях, произошедших на Дону через десять лет после событий, описанных в «Тихом Доне». Шолохов как-то жаловался на то, что, изображая по горячим следам великие события 1930 года, он не успевал за ними. События его опережали. Действительно, это так. Но, несмотря на это, «Поднятая целина» никоим образом не устарела и устареет не может. Устареет может лишь эмпирический очерк о процессе коллективизации, интерес которого лишь в сообщаемых им фактах. Но может ли устареет произведение, в котором процесс коллективной ломки старой деревни перед нами в типических и в то же время ярких и индивидуализированных образах? Разве могут устареет живые образы талантливого

открытого оптимистического деревни Давыдова, преодолевшего в себе собственнические чувства казака Кондрата Майдановича и других? Разве могут устареет образы врагов колхозного строя Половцова и Островова, применяющих новые методы в своей подлой борьбе, методы диверсии, маскировки, предательства?

Шолохов не сторонник наблюдательного описания событий. Его творчество и образ его жизни самым тесным образом связаны с событиями и людьми, которых он изображает. Очень давно прозвучало бы в применении к Шолохову понятие «творческой командировки для изучения действительности». Он повсюду находится в этой «командировке», и не только как писатель, «изучающий действительность», но как советский гражданин, активно участвующий в строительстве этой самой действительности. В станицу Венюковскую и писателю Михаилу Шолохову приезжают представители колхозов, приходят казаки. Они советуются с писателем, делаются с ним своими достижениями, жалуются на неполадки. Крепко связанный с народом, писатель помогает колхозам и колхозникам налаживать хозяйственную и культурную жизнь, бороться с косностью, бюрократизмом и контрреволюционным вредительством.

Характерной такой факт. В 1934 году Шолохов едет за границу, в частности в Данию и Англию. Англичане, пораженные «Тихим Доном», подлаживаются к нему большим успехом, назвали писателя «советским Диккенсом».

Но не за этим приехал туда Шолохов. Его интересовала культура сельского хозяйства. Кокоретов — «Диккенс» интересовал образцы датского животноводства и молочные фермы. Ему нужно было узнать их поближе для того, чтобы передать наиболее ценный опыт этих ферм нашим колхозам. И когда Шолохов вернулся из-за границы — не было ни шумных выступлений о «встречах и впечатлениях», ни изданных интервью. Единственное собрание, перед которым он выступил с отчетом о своей поездке, это собрание колхозников, которому были представлены интереснейшие сведения об оборудовании фермы, о технике стоков на скотных дворах, об использовании навоза и т. п.

У нас много говорят о типе советского писателя, о его общественном и моральном облике, о писателе-гражданине. Никим образом не может считаться идеалом советского писателя такой писатель, который трактует в своих произведениях о социалистической морали и коллективистических чувствах, в своем личном быту выступает как индифферентный, неосущий в себе все пороки индивидуалистической морали старого мира. Подлинный советский писатель не может не быть гражданином. Проводя революционные социалистические идеи в произведениях должна сочетаться в нем с полноценной деятельностью члена социалистического общества, быть это в общественной или в личной жизни. И прекрасный пример этому — творчество и общественная деятельность Михаила Шолохова, писателя, связанного с советским народом тесными узами, писателя, у которого слово не расходится с делом и все подчинено одной великой задаче — борьбе за социалистическое переустройство мира.

Советские писатели вместе со всем народом гордятся своим соотечественником, удостоившимся великой чести работать членом Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР.

Писатель-коммунист

С Михаилом Шолоховым и впервые встретился в 1935 году в Доме архитектора. Там в этот день было много писателей. Выступали Михаил Шолохов, Михаил Кольцов, Илья Бренбург и другие.

Шолохов обратил мое внимание своей скромностью. Такая скромность, мне кажется, свойственна только большим людям.

Шолохов говорил мало, и тем ценнее было каждое сказанное им слово. После встречи с писателем и о большом интересом прочла его «Тихий Дон» и «Поднятую целину». Особенно мне понравился «Тихий Дон», где автор так умело, и

читая его, видишь, что это писатель-коммунист, глубоко преданный великому делу строительства бесклассового социалистического общества. Это делает его особенно близким и дорогим нам.

Вот почему с глубокой радостью принимаю известие о включении Михаила Шолохова в число членов Центральной избирательной комиссии.

МАРИЯ ВИНОВАТОВА

Стаханова-орденоносца, ткачиха фабрики им. Ногина (г. Вязьма, Ивановской области), студентка Промакадемии им. Молотова.

«Тихий Дон»

Отрывок из четвертой книги

Стремительно преследуя отступавшего от Усть-Медведицкой противника, «обедненные» части Донской армии и верблюдских повстанцев шли на север. Под хутором Шанкиным на Медведице разгромленные полки 9-й армии красных пытались задержать казаков, но были сновабиты и отступили почти до самой гражданской железнодзорожной ветки, не оказывая решительного сопротивления.

Григорий со своей дивизией участвовал в бою под Шанкиным и крепко помог нехотной бригаде генерала Сутолова, попавшей под фланговый удар. Конный полк Ермакова, хуливший по приказу Григория в атаку, захватил в плен около двухсот красновармейцев, отбил четыре станковых пулемета и одиннадцать натронных повозок.

К вечеру с группой казаков первого полка Григорий вехал в Шанкин. Около дома, занятого штабом дивизии, под охраной полусотни казаков стояла высокая толпа пленников, белая базенная рубашка и колпаками. Большинство их было разутое и раздето до белья, и лишь изредка в белесой толпе зеленела грязная защитная гимнастерка.

— До чего белые стали, как гуси! — воскликнул Прохор Сыков, указывая на пленников. Григорий натянул поводья, повернул коляскам; размыкая в толпе казаков Ермакова, подошел к себе пальцем.

— Подождай, чего ты по за чужими спинами хорошишься?

Поклонившая в кулак, Ермаков под'ехал. Под черными негустыми усами его на рубчатых губах запялась кровь, правая щека выдвинулась и темнела свежими ссадинами. Во время атаки конь под ним спотыкнулся на всем скаку, упал, и камнем вылетевшей на седла Ермаков сажая два скользя на живото по кочковатой толке. И он, и конь одновременно вскопили на ноги. А через минуту Ермаков, в седле и без фуражки, страшно окровавленный, но с обнаженной шапкой в руке, уже настлал катившуюся к нему казаку лапу.

— И что бы это мне хорошилось? — как жутким удивлением спросил он, порывавшись с Григорием, а сам смущенно отводил в сторону еще не потухшие после боя пылающие крошки, оставшиеся глаза.

— Чует кошка, чью кису с'ела! Чего сяди елешь? — гневно спросил Григорий. Ермаков, трудно улыбаясь, распухшими губами, покосился на пленников.

— Про каку ю мясу ты разговор ведешь? Ты мне разгаз загадки не задавай, все равно не разгадаю, а нынче о коня стоить головой падала.

— Твоя работа? — Григорий плетью указывал на красновармейцев.

Ермаков сделал вид, будто впервые увидел пленников, и размыг неопределенное удивление.

— Вот, сухими сыны! Ах, проклятые! Раздели! Да когда же это они успели! Скажи на милость! Только что от'ехал, строго-настроено приказал не трогать, и вот тебе, растепились белых дотла!

— Ты мне дружок не трепи! Чего ты прикидываешься? Ты велел раздеть?

— Сохрани господи! Да ты в уме, Григорий Пантелеич?

— Приказ поминишь?

— Это насчет того, что бы...

— Да-да, это насчет того самого!

— Как же, помню. Назовут помню! Как ступок, какие в школе, бывало, разучивали.

Григорий невольно улыбнулся, — перегнувшись на сиде, сватая Ермакова за ремень портупей. Он любил этого лакого, отчаянно храброго командира.

— Харамин! Без шутки, к чему ты доводишь? Новенький полковник, какого вместо Копылова послалши в штаб, доноси, и придется отвечать. Ить не возразились, как начнется война, спроси да допроси.

— Не могу стерпеть, Пантелеич! — серьезно и просто ответил Ермаков. — На них было все с ноготком, им только что в Усть-Медведице выдвали, ну, а мой ребята побосились, да и дома о одежде не густо.

А с них — один порт, — все в тылу помыслил бы! Мы их будем забирать, а тыловая сволочь будет раздевать? Нет уж, нехай лучше наши поползуются! Я буду отвечать, а с меня вылетит глады! И ты, пожалуйста, ко мне не правдывайся. Я аять ничего не знаю и об эти делах сном-думом не ведаю!

Порывавшись с толпой пленников. Сперва говор в толпе смолк. Стоявшие с краев сторонники конных, помысливали на казаков с угрюмой опаской и настороженным выжидающим. Оли красновармейцы, распознаны в Григорие командира, подошли вплотную, коснувшись рукой стремени: — Товарищ начальник! Скажите нашим казакам, чтобы нам хоть шинели возвратили. Явите такую милость! По ночам холодно, а мы прямо-таки наги, сами видите.

— Небось, не замерзаете середь лета, ступик! — сурово сказал Ермаков, и, отнеся красновармейца коням, повернулся к Григорью. — Ты не сумлеваешься, я скажу, чтоб им отдали кое-что из старых. Ну, сторижок, сторижок, воляки! Вам бы в штаб вшей быти, а не с казаками сражаться!

В штабе допрашивали пленного командира роты. За столом, покрытым ветхой клеенкой, сидели новые начальники штаба, полковник Андреев — пожилой, курносый офицер с густою проседью на висках и с мальчишески оттопыренными, крупными ушами. Против него, в двух шагах от стола стоял красный командир. Показывая допрашиваемого записавши оли офицера штаба, сотник Суляин, прибывший в дивизию вместе с Андреевым.

Красный командир — высокий, рыхлый человек, с пепельно-белыми, острыми жеманными пол'яжк волосами, — стоял, невольно переступая босыми ногами по красному охрой полу, наредка поглядывая на полковника. Казаки оставили на пленном олиу нижнюю солдатскую рубашку из желтой, не обеленной бязи да вамен отобранных штанов дали изорванные в клочья казачьи шаровары с вышитыми лампасами и неумело припосаженными латками. Проходя к столу, Григорий заметил, как пленный коротким смущенным движением поправил шаровары на ягодицах шаровары, стараясь прикрыть оголенное тело.

— Вы говорите, Орловским губвоенкоматом? — спросил полковник, коротко, поверх отгов взглянув на пленного, и снова опустил глаза и, прищурившись, стал рассматривать и вертеть в руках каку-то бумажку — как видно, документ.

— Да.

— Осенью прошлого года?

— В конце осени.

— Вы лжете!

— Я говорю правду.

— Утверждаю, вы лжете!

Пленный молча пожал плечами. Полковник взглянул на Григория, сказал, пренебрежительно кивнув в сторону допрашиваемого.

— Вот, полковничек! бывший офицер императорской армии, а сейчас, как видите, большевик. Попался и сочиняет, будто у

красных он случайно, будто его мобилизовали. Брет дико, наивно, как гимназистика, и думает, что ему поверят, а у самого попросту нехватает гражданского мужества сознаться в том, что предал родную...

Бойтса, мерзавец!

Трудно двинуть кадыком, пленный вагорал: — Я вижу, господин полковник, у вас хватает гражданского мужества на то, что бы оскорблять пленного.

— С мерзавцами я не разговариваю!

— А мне сейчас приходится говорить.

— Осторожнее! Не вынуждайте меня, я могу вас оскорбить действиями!

— В вашем положении это так нетрудно и главное — безопасно!

Необманувшийся ни словом Григорий присел к столу, с сочувственной улыбкой смотрел на бледного от негодования, бесстрашно отрывавшегося пленника. «Здорово опичал он полковничка!» — с удовольствием подумал Григорий и не без злорадства глянул на мясистые багровые щеки Андреева, подергивавшиеся от нервного тика.

Своего начальника штаба Григорий не любил с первой же встречи. Андреев принадлежал к числу тех офицеров, которые в годы мировой войны не были на фронте, а благоугодно отсиживались по тылам, используя влиятельные служебные и родственные связи и знакомства, всеми силами пепиляясь за безопасную службу. Полковник Андреев и в гражданской войне ухитрился работать на оборону, сидя в Новочеркасске, и только после отстранения от власти атамана Краснова он вынужден был поехать на фронт.

За две ночи, проведенных с Андреевым на одной квартире, Григорий с его слов успел узнать, что он очень набожен, что он без слез не может говорить о торжественных церковных богослужениях, что жена его — самая примерная жена, каку только можно представить, что зовут ее Софья Александровна и что за ней некогда безуспешно ухаживал сам наказанный атаман барон фон-Грабе; кроме этого полковник любезно и подробно рассказывал: каким именем владел его покойный родитель, как и Андреев — дослужился до чина полковника, а какими выхаживательными листами ему пришлось оккупиться в 1918 году; а также сообщал, что лучшей штрот он считает вист, полезнейшим из напитков — коньяк, настоянный на тмином листе, а павногиднейшей службой — службу в войсковом интендантстве.

С людьми этой плетью порою Григорий не раз встречался на своем реку и всегда испытывал к ним чувство глубокого отвращения. На второй день после знакомства с Андреевым Григорий начал избегать встреч с ним и днем преследуя в этом, но как только останавливался на почвеку — Андреев размыкал его, торжественно спрашивал: «Вместе почему?», и не дожидаясь ответа, начинал: «Вот вы, любезнейший мой, говорите, что казаки неустойчивы в пещем бою, а я, в бытность мою офицером для поручений при его превосходительстве...» Он, же так, прикрасе мот челомца и постель сюда! Григорий ложился на спину, закрывал глаза и, стиснув зубы, слушал, потом неутешно поворачивался к неумолимому рассказчику спиной, с головой укрывалось шинелью, думая с немой яростью: «Как только получу приказ о переводе — лупану его чем-нибудь тяжелым по голове! может, после этого он хоть на неделю языка лишится!» «Вы спите, сотник!» — спрашивал Андреев. «Сплю», — глухо отвечал Григорий. «Позвольте, я еще не доскавал!» — и рассказ продолжался. Сквозь сон Григорий думал: «Нарочно подслушал мне этого бабона. Должно, Фихтелуаров постарался. Ну, как с ним, с этими ушибленными, служить?» И, засыпая, слышал пронзительный тенор полковника, звывавший, как дождь дробь по железной крыше.

Поэтому-то Григорий и злорадствовал, видя, как ловко пленный командир отлавливал его разговорчивого начальника штаба.

С минуту Андреев молчал, шуршал; длинные мочки его оттопыренных ушей прыгали, ледяшники на столе белая пухлая рука, а массивным золотым кольцом на указательном пальце, выдвигавшемся, — слушайте, вы, ублюдок, — сказал он окрикнул от вопления голосом. — Я приказываю привести вас ко мне не для того, чтобы инквизировать с вами, вы этого не забывайте! Понимаете ли вы, что вам не ответствует?

— Отлично понимаю.

— Тем лучше для вас. В конце-концов мне надоедает, добровольно вы топили в красном или вас мобилизовали. Важно не это, важно то, что вы бы не должны понимали наши соображения чести отказывающегося говорить...

— Очевидно, мы с вами равно понимаем вопросы чести.

— Это потому, что у вас ее не осталось и вот столько!

— Что касается вас, господин полковник, то, судя по обращению со мной, я сомневаюсь, чтобы честь у вас вообще когда-нибудь была!

— Я вижу — вы хотите ускорить развалку?

— А вы думаете, в моих интересах не затравить? Не пытайте меня, не вытес!

Андреев дрожащими руками раскрыл портфель, закурил, сделал две жалких затяжки и снова обратился к пленному:

— Ить, вы отказываетесь отвечать на вопросы?

— С чего и говорю.

— Идите к черту! Ваша напыщенная личность меня меньше всего интересует. Потрудитесь ответить вот на какой вопрос: какие части подошли к вам от станции Сибиряков?

— Я вам ответил, что я не знаю.

— Вы знаете!

— Хорошо, доставлю вам удовольствие: да, я знаю, но отвечать не буду.

— Я приказываю вас выпороть помполами, и тогда вы заговорите!

— Едва ли! — Пленный тронув левой рукой усы, уверенно улыбнулся.

— Камышинский полк участвовал в этом бою?

— Нет.

— Но вам левый фланг прикрывали кавалерийская часть, что это за часть?

— Оставьте! Еще раз повторю вам, что на подобные вопросы отвечать не стану.

— На выбор: или ты, собака, сейчас же развяжешь язык, или через десять минут будешь поставлен к стенке! Ну!

И тогда неожиданно высоким, вполголоса вступил голосом пленный казак:

— Вы мне надоели, старый дурак! Ты пипи! Если б вы попались ко мне — а вы вас не так допрашивали!

Андреев поблелел, схватился за кобуру нагана. Тогда Григорий нетерпеливо встал и преследующим образом ушел.

— Ого! Ну, теперь хвяти! Потугайся и хвяти. Обое вы горячо, как поганку...

Ну, не сошлись, и не надо, об чем толковать? Он правильно делает, что не выдает своих. Ну богу, кто заораво! Я и не ждал!

— Нет, повоздите! — горячился Андреев, тешно пытаясь растегнуть кобуру.

— Не позволю! — с веселым оживлением сказал Григорий, вплотную пододвину к столу, заслоняя собой пленного. Пустое дело — убить пленного. Как вас совесть не задерживает намерения на него, на такого? Человек безоружный, вытравил в неволю, война на нем и одежд-то не оставила, а вы вамазываете!

— Досад! Меня оскорбил этот негодяй! — Андреев с силой оттолкнул Григория, выхватил наган.

Пленный живо повернулся лицом к окну, — как от холода повел плечами. Григорий с улыбочкой следил за Андреевым, а тот, потустовая в ладони пероковатую рукоять револьвера, как-то нелепо замалчивал им, потом опустил дулом кину и отвернулся.

— Рук не хочу марать!... — отдышавшись и облизав пересохшие губы, хрипло сказал он.

Не сдерживая смеха, сияя на-под усов книжным оскалом аубов, Григорий сказал:

— Оно и не пришлось бы! Вы поглядите, наган-то у вас разряженный. Ипо на по-чезке, я проснулся утром, взал его со стула и поглядел... Ни одного патрона в нем, и нечистый, должно, месяца два! Плохо вы доглядаете за личным оружием!

Андреев опустил глаза, повертел большим пальцем барабан револьвера, убаюнувшись:

— Чорт! А ведь верно...

Сотник Суляин, молча и насмешливо наблюдая за всем происшедшим, свернул протокол допроса, сказал, приятно картавая:

— Я вам неоднократно говорил, Семей Полжкарпович, что с оружием вы обращаетесь безобразно. Сегодшний случай — лишнее доказательство тому.

Мой творческий путь

Из беседы Гасема Лахути с молодыми писателями Ташкента

Для меня большая радость говорить о художественном творчестве с товарищами, которые работают на производстве и сами творят.

Приближается двадцатая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. К великому празднику наша страна готовится произвести смотра достижений и победом двести лет своей жизни хозяйственной, научной, культурной. В этом смотре огромную роль должно сыграть художественное слово. Вот почему сейчас особенно важно говорить о нем.

Вас интересует, что меня направляет на путь творчества, что ведет меня дальше по этому пути?

Я — член коммунистической партии, имею за плечами много лет и буду говорить с вами просто, без всяких поэтических выдумок.

Вы, вероятно, замечали, что беззащитные люди, когда их обижает сильные, отключаются на обильно-поэтическом. Они плачут и жалуются, воображая, что слезами может отомстить обидчику. Другой бранится и проклинает, не зная, что его бессильные угрозы доставляют врагу лишь наслаждение.

Припомню одну картину, виденную мною во время шахской-вахсей в Иране. Шахская-вахсей — это ежегодные фанатические наступательные процессы мусульман-шиитов в память Гассана и Гусейна, убитых внуков Магомета. Мальчик, который шел и бил себя в грудь рядом с другими мусульманами, нечаянно наступил на ногу взрослому мужчине. Мужчину пришел в ярость и поколотил его. Плача от боли и обиды, мальчик стал кричать и браниться. Собралась возмущенная толпа.

«Негодяй, ты смеешь скандалить в такой день!» Мальчика поволокли и жестоко, до крови, избили. И на моих глазах тот же человек, который обидел ребенка, благодарно возмущался и бил его вместе со всеми.

Я глядел на все это и думал: «Если меня обидят и я стану плакать и ругаться, это мне не поможет. Надо делать что-то другое».

Я подливал борьбу и рано научился избирать различные способы борьбы. Боготому сынку, который проходил по улице со свитой из трех слуг, вооруженных дубинками, ничего не стоило обидеть нас, маленьких обидчиков. В ответ мы наворачивали так подбросили арбузную корку, чтобы враг непременно поскользнулся и упал.

Уже в те дни я заметил, что слово — одно из сильнейших оружий борьбы. Я видел, как толпа приходила в воинственный восторг, хором распевая стихи о Гассане и Гусейне. Я наблюдал, как воодушевлялись люди, слушая чтение «Шах-Наме» — поэмы Фирдоуси, очень популярной в народе, несмотря на свой тысячелетний возраст. Герои этой поэмы, древние богатыри, выходя на поле битвы, вызвали померяться силами богатырей из враждебного лагеря. Эти языком непременно распевались в форме стихов, то грозных и воинственных, то насмешливых и обидных для врага. Такие стихи назывались «сраджаз». Мастерицы петь «сраджаз» для богатыря было так же обязательно, как выдаться мечом.

Вот и я, подражая древним героям, стал применять «сраджаз» в наших мальчишеских сражениях. Мое главное творчество воодушевляло товарищей. С пенем моих стихов они сражались храбрее.

Так, с раннего детства я стал неразлучным с поэтическим оружием.

Жилось мне в детстве не легко. Одно время я работал учеником у кузнеца Уста-Махеда в городе Керманшахе. Чистил снег, таскал покупки, раздувал меха. Тяжелее всего было зимою носить в дом жар для печей из кузнечного горна. Горячую жаровню с углем приходилось нести на голо-

У моих товарищей был мальчик — препро-модное, грязное существо. Когда я приходил вечером, еле держась на ногах от усталости, хозяйка встречала меня словами: «А, вот и наш ишак пришел!» Она сажала сына ко мне на плечи и заставляла бегать с ним вокруг двора. Если я уставал и бежал тише, меня ругали, били.

Однажды мать дала сыну большой гвоздь, и тот стал меня им колоть. Тут я не вы-

держал. Выбрал момент, когда мать ушла, и изо всех сил отколотил мальчишку. Потом убежал домой, где мне долго пришлось прятаться от гнева хозяйской семьи. По-мню, в то время я сочинил стихи о радости победы, о том, как весело быть врагом.

Прошли годы детства, и поэзия стала для меня средством борьбы за идею, за освобождение угнетенного народа. Еще более жгучим насыщением стало мое творчество о тех пор, как я приехал в СССР и вступил на путь социализма.

Идеяность, думаю, мне, первое и основное условие полноценного художественного произведения.

Я припомню, какую власть над умами имели в Иране некоторые религиозные стихи. Оттого это происходило? Оттого, что они были проникнуты страстной верой в то, что ими проповедывалось. Если произведение советского поэта будет холодно, лишено пламенной веры в правоту нашего дела, оно не окажет никакого действия, оно останется бесплодным.

В каждом произведении художник прокладывает свою заветную идею. Но наряду с этим он стремится к тому, чтобы его произведение поражаало своей красотой весь мир. Он стремится найти тот секрет расположения материала, образов, словесных созвучий, который делает произведение сильным, убедительным, потрясающим. Вместе с тем он ищет язык простой, ясный, доступный широчайшим массам. Высокая художественность в соединении с простотой и ясностью — второе условие литературного творчества.

Надо знать свою читательскую аудиторию, надо понимать ее запросы, стремления, жить ее интересами. Наши читатели — это масса трудящихся, строящих социализм. Они растут, культурно развиваются с каждым часом. Писатели у нас не надо опускаться до уровня отсталых масс, на-

против, ему приходится изо всех сил гнаться за ними, чтобы не отстать, а быть впереди.

Надо глубоко, до мельчайших деталей знать то, о чем пишешь. Надо любить своих героев, выживать в их мысли, чувства, переживания. Только тогда можно дать не шаблонные общие фразы, а произведение, подлинно мобилизующее, зажигающее людей. Разве можно, например, писать о колхозниках, не зная их жизни, работы или нисея о колхозе лишь общее представление? Это все равно, что пытаться вылить в стакан бочку воды или разглядывать высокую гору в маленьком зеркальце.

Раньше о деревне писать было легко. Что было в кишлаке? Кетмень, омаз, бык, надрывный труд крестьянина. Об этом знал каждый. Но теперь деревня пережила техническую революцию. Во многих колхозах я видел конвейеры, освещенные электричеством. А сколько бедняков в тех же деревнях умерли, не видя даже керосиновой лампы! Думали ли они, что не только их дети, но даже коровы, овцы и лошади их детей будут жить при электрическом освещении?

Знание читательской аудитории и знание материала — третье условие плодотворной работы художника.

Есть люди, которые думают, что основное в работе писателя — это добиться быстрой известности: больше печататься, получать больше похвал — вот главное. Для этой цели они пускают в ход любые средства: прибегают к группировкам, оттачивают «соперников» на задний план, стараются замазать их, воображая, что тем самым выдвигаются на первое место. Иранский поэт Саиди сказал: «Если ты наполнишь флакон водой и будешь веда кричать, что продаешь ароматные духи, то, в конце концов, тебе этим флаконом разобьет голову». Настоящие духи сами дают о себе

знать своим запахом. Надо работать, создавать хорошие произведения, они сами выдвинут автора.

Что нужно писателю прежде всего? Общие общие знания, глубокая общая культура. Сверх того, необходимо, конечно, овладение техникой писательского дела. Тысячу раз прав был Ленин, когда говорил, что мы должны все ценности, созданные в прошлом человеческим умом, использовать для социализма. В частности, писатель, который стремится овладеть литературным мастерством, обязан критически изучить наследие старых мастеров слова и осваивать все то, что может послужить службой социалистической литературе.

Одно время среди молодежи можно было слышать разговоры о том, что читать Пушкина для нас бесполезное лишнее дело. Не найдется ли среди наших поэтов такой смельчак, который заявил бы, что ему удалось написать стихотворение, по силе равное пушкинскому «Послание в Сибирь»? А ведь сила Пушкина не только в его гении, сила его в том, что он сумел развить и углубить свой гений разносторонними знаниями, обогатить его сокровищами всемирной культуры. Надо и нам бороться против ограниченности, за расширение своего кругозора.

Овладевать культурным наследием всего мира и использовать его в интересах социализма, — такова наша задача.

Семью лет тому назад классический иранский поэт Хакани доселил развалины дворца шаха Ануширвана в Медане, древней столице Ирана. Дворец этот когда-то строили 300 тысяч рабочих и несколько сот инженеров из Китая и других стран. Когда арабы вторглись в Иран, они разрушили стены дворца и потом расхищали его остатки на протяжении нескольких столетий. Несмотря на это, от дворца еще на долгие века остались арки, более высокие, чем Соборный собор в Стамбуле, их не могли разрушить ни годы, ни усилия покорителей-арабов. Понятно, что такой дворец в ту эпоху мог быть построен только на костях народа.

Бродя по развалинам Медана, поэт Хакани написал иранскую элегию о падении дворца, оплакивая его, как «вечный памятник справедливости, человечности и культуры». Эта элегия — сильнейшее произведение, широко известное среди турок, иранцев, арабов, на всем Востоке.

В 1923 году я впервые увидел московский Кремль. На звали еще ни слова по-русски, и бродил один по его залам, и в моей памяти встали развалины дворца Ануширвана, восточного Хакани. Меня поразило это величайшее историческое контраст. Два дворца дворца. Об построенные на костях трудящихся. Но первый рухнул, вторично под собой национальное могущество, а второй возродился, передал в руки рабочих, став крепостью интернационализма и коммунизма. Тут же одним взмахом пера я написал поэму «Кремль». Эта вещь вылилась у меня сразу, потому я не мог ни прибавить, ни уменьшить в ней ни одного слова. Моей целью было разбить, разрушить националистическое влияние поэмы Хакани, показав, как на деле строились дворцы и кто их настоящие хозяева.

Если бы я не знал прошлого, не знал истории дворца Ануширвана, не знал поэмы Хакани, — я не был бы автором «Кремля».

Я оглядывался на пройденный мною путь и вижу, насколько он был долгим и трудным. Припомнил свои юношеские мистико-философские стихи, толкование о вечной правде, о равенстве, о братстве людей. Меня тогда считали едва ли не пророком. Верили, что слова вкладывают мне в уста сам бог. Меня это корбило, ибо я искал не столько бога, сколько выхода, спасения для окружающих меня голодных, угнетенных, страдающих людей. Скоро я увидел, что иду по неверному пути.

Судьбоносные темы сменились у меня темами революции. Это были годы моего участия в революционном движении Ирана, после переезда в СССР они переросли в темы социалистические.

Я нашел, наконец, единственный верный путь — путь социализма.

М. Ю. Лермонтов

М. Ю. Лермонтов

16 октября 1937 г. исполняется 128 года со дня рождения М. Ю. Лермонтова. На этот же год приходится столетия юбилей его стихов на смерть Пушкина.

В 1837 году вся Россия прочла «Смерть поэта», пламенный отклик на гибель Пушкина, разошедшийся в бесчисленных списках.

Никогда ни одно стихотворение, написанное до того русским поэтом, не рождало такого отклика и не возбуждало такого отрыва, как стихи Лермонтова на смерть Пушкина.

Николай I прочел эти стихи, присланные к нему с пометкой «привык к революции». И ему почувствовалось, что это один из декабристов вошел на всенародную трибуну и возобновил свои речи, прерванные пушками 14 декабря, возобновил их с новой силой, с поэтической мощью, напомнившей Николаю I только что смолкшего, неважного ему Пушкина. Царь поспешил сослать Лермонтова, представившегося ему законным наследником Пушкина и декабристов, на Кавказ. И с тех пор уже не выпускал поэта из-под своего жандармского «наблюдения».

Стихи Лермонтова на смерть Пушкина расстелились по всей России и все, что в ней было гражданско-честного и прогрессивно-мыслящего, от Герцена и Белинского до студента-равнозначия, до любого выхода из арестной среды, — поняло, что в авторе «Смерти поэта» явился преемник Пушкина, который продолжает его дружбу с декабристами и передает заветы этой дружбы новым поколениям.

Белинский и те, кто с ним шел, поставили в Лермонтове искреннего и полного выразителя их гражданских чувств, поэта неукротимого протеста, выражающего все, что есть в жизни косного и злого.

Через год Лермонтов выразил свой идеал поэта в стихотворении «Поэт» (1839):

Окрася толпу современных ему поэтов-певцов элегического камелька, вроде Крылова и Кипленкова, холодных риториков, вроде Бенедиктова, бесстрастных речников, Лермонтов горко сетовал, что в нем нет низвержений не так ли ты, поэт, свое утратил названье? Истинное же названье поэта, по Лермонтову, вот в чем:

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы.

И, отрыв мислей благородных,
Звучал, как колокол на башне ветохой
Во дни торжеств и бед народных.

Лермонтов не знал, что «мерный звук могучих слов» его поэзия грусти, горести и гнева будет «воспламенять для битвы» таких великих бойцов с самодержавием, как Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов.

«Бородино» — второе дебютное стихотворение Лермонтова, появившееся в 1837 году, — было первым его произведением, которое он сам отдал в печать. Лермонтов ценит свой творческий труд с исключительной строгостью, не имеющей параллели в русской литературе. До «Бородина» им было написано свыше 300 стихотворений и 25 поэм — и ни одной строки из всего этого богатства (а тут были такие алмазы лирики, как «Парус» и «Ишик», такие поэмы, как «Боярыня Орша» и «Имам-Бей») поэт не признал достойной печати.

В глазах его все это поэтическое творчество было лишь лабораторией.

Открывая свое поэтическое поприще в печати стихотворением «Бородино», Лермонтов начал так, как не начинал ни один из русских поэтов. Сам Пушкин выступил впервые в печати со стихами, изображавшими явное влияние Державина, Жуковского, Батюшкова и французских поэтов XVIII века. Некрасов начал книжкой «Мечты и звуки», которую впоследствии скупил и уничтожил. Фет отнесся от «Лирического Лейтенанта», который добротворил.

Лермонтов же впервые выступил в печати со стихотворением, составившим эпоху в истории русской литературы, — подчеркивая: литературу, а не одной поэзии.

Народная война 1812 года давно владела мыслью и поэтическим воображением Лермонтова. Еще в 1830 году он написал стихотворение «После Бородина». На стихотворение этом еще явны следы влияния «Певца во стане русских воинов» Жуковского, с его романтичной декорацией и декламацией: в нем еще слышен отзвук бутфорочной торжественности, которой пренебрежительно безразличны «олы» адреналина Александра I и его генералов.

В «Бородине» нет и следа этих генеральских труб и ура-патристических барабанов.

В «Бородине» — простая действительность, суровые будни истории. Но ты был наш бивак открытый: Кто жидил чистил, весь избитый, Кто шипел гоним, ворча сердито, Кусая длинный уо.

Великий народный подвиг, каким является Бородину в истории, Лермонтов сумел вместить в простую и непритязательный рассказ одного из безвестных участников его так, что и личность этого участника стоит перед нами, как живая, и все величие борьбы народа за свою независимость проступает во всей своей правде и силе.

В 1899 году автору этих строк довелось вести беседу с Лермонтовым о Льве Николаевичем Толстом.

— Это «Бородино» — это верно моей «Войны и мира» — сказал Толстой.

Это замечательные слова. Они указывают истинное место «Бородина» в русской литературе: это целая народная эпопея в простом реалистическом рассказе, и самый этот рассказ есть торжество народности и реализма в русской поэзии.

В связи со сказанным, вызывает полное недоумение утверждение В. М. Эйхенбаума, будто «Бородино» — не более как «солдатский рассказ о фольклорной окраске в стиле военных стихотворений Дениса Давыдова» (Лермонтов. Стихотворения и поэмы, «Библиотека поэта», 1937, стр. 434). Нужно ли доказывать, что между суровой простотой и глубиной народного рассказа Лермонтова и легкой офицерско-кустарской «музой в кирзее» Дениса Давыдова нет ничего общего!

После «Бородина» стало ясно, что народного поэта Пушкина сменил народный поэт Лермонтов.

После славного дебюта в 1837 году Лермонтову отмерено было судьбой лишь четыре года на жизнь и творчество, но в эти четыре года Лермонтов стал великим мятежным сердцем русской поэзии, пламенным горячим любовью к народу.

Об этой любви Лермонтов рассказывал в стихотворении «Родина» (в рукописи оно называлось «Отчизна»):

Люблю отчизну я, но странною любовью! Не победит ее расулуд мой. Ни слава, купленная кровью, Ни полный торг доверия покой, Ни темной старинной заветные преданья, Не поведают во мне отродного мечтанья.

Лермонтов любит родину «странною любовью» — любовью к ее великому народу, к ее неоглядным просторам с «дрожжащими огнями печальных деревень». 13 марта 1841 г. Белинский писал Вотику: «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его «Родина», то, аллах крест, что за вещь, — пушкинская, то есть одна из лучших пушкинских».

«Если будет напечатана: Белинский считал, что та любовь к родине, в которой привнес Лермонтов, должна казаться невозможной и неблагодарной с точки зрения цензуры».

Преемник Белинского, Н. А. Добролюбов уже без всяких намеков истолковал, в чем заключается та новая любовь к родине, о которой говорит Лермонтов в своем стихотворении «Родина» и в котором полны и преисполнены все его создания последних лет: «Дума», «Поэт», «Песнь о купце Калашникове», «Валерик», «Мцыри», «Герой нашего времени».

Лермонтов, по словам Добролюбова, обладал «громадным талантом и, умевший раз постичь недостатки современного общества, умевший понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Демонстрацией служит замечательное стихотворение «Родина», в котором он становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно».

В 1841 году, незадолго до смерти, Лермонтов написал в своем альбоме: «У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем. Сказываются и сказка: Ерусалим Лазаревич сидел сном 20 лет и спал крепко, но на 21-м году проснулся от тяжкого сна и встал и пошел, и встретил он тридцать семь корей и семьдесят богатырей и побил их и сел над ними царствовать». Такова Россия.

В этих словах о проснувшейся богатыре не надо искать гордой воинственной мечты о будущих завоеваниях: «Слава, купленная кровью», как знает не почти современного признака Лермонтова, «не шевелится в нем отродного мечтанья». В этих словах есть другое «мечтанье», общее у Лермонтова с Белинским и Герценом: в этих словах выражена глубокая уверенность народного поэта в том, что его народ, насильственно прикованный к «тяжелому ску» рабства, встанет, как проснувшийся богатырь, и начнет новую прекрасную жизнь, исполненную подвигов и великих деяний.

Когда Лермонтов, — вскоре после этой записи в альбом, дополнивший его «Родина», — был убит на дуэли, Николай I воскликнул: «Собаке — собака смерть!» Царь знал: вторая дуэль освобождала его от второго поэта-врага.

От дебюта Лермонтова до его смерти прошло всего 4 года, но и их было достаточно, чтобы слава великого народного поэта стала вечным наследием Лермонтова.

С. ДУРЫЛИН.

Гасем Лахути

Гасем Лахути

Не так давно в залах Эрмитажа в Ленинграде была устроена выставка иранского искусства.

Выставочные залы тянулись вдоль Невы, продолжались во Дворце искусства (Зимнем дворце), поворачивали на площадь Урицкого.

Огромное, многотысячелетнее, непрерывное и прекрасное искусство проходило перед зрителем.

Пораждало, как много иранского металла было найдено в пределах СССР, причем найдено в быту.

Эти вещи жили, с этих блуд ели, их рисунок подражали народные художники, их воспевали поэты.

Женщина, ткающая ковер, воспроизводит цвет, клала нитки так, как учат ее глаза и многотысячелетняя культура.

Мы были в Таджикистане.

Абуб-Гасем Лахути — наследник этой великой культуры, седой и крепкий, смотрел на дальние горы, на высокую дугу, горюхия мне о лирике Ирана.

Был некогда поэт, вырванный в принцессу.

Ко двору принцессы привозили дань или людей, связанных за то, что они не хотели или не смогли привести дань.

Однажды утром поэт принес ей розы.

Принцесса посмотрела на него, как на раба, и сказала:

— Обясни, что это значит. Я не принимаю их.

И поэт тогда сказал стихи:

— Роза в твоём саду бутылка и горюха, что она тоже красива, и вот она перед тобой связана.

Поэзия Ирана — это связанные розы, которые или бутылки, или только красивы. Гасем Лахути — тот поэт Ирана, который сразу пошел со своими стихами к народу.

Иранская литература часто оказывалась написанной для царя и услышанной народом.

Поэзия Лахути ушла к тому, что ее слушали, он первый не испугал разочарования, потому что первый изменил дорогу.

Его отец был багманчик и говорил стихи. Лахути родился в Керманшахе и рано сам начал мыслить стихами.

Мальчик начал учиться в тефтеранской школе, но был исключен из нее, как «чуждый шумным людям».

Шестнадцати лет он принимал участие в революционном движении, писал и распространял агитационные стихи и песни.

В 1907 году он сражался в рядах иранских революционеров против шахского правительства.

В 1908 году Лахути в Северном Иране увидел, как провокаторы сеят националистическую рознь между турками, иранцами, курдами.

Лахути понял, что борьба Ирана и Турана

кончилась, что теперь идет борьба иранцев и турчан за свободу. Он сумел сплотить отряды и участвовать в походе на шахскую Тегеран.

Пораждало, как много иранского металла было найдено в пределах СССР, причем найдено в быту.

Эти вещи жили, с этих блуд ели, их рисунок подражали народные художники, их воспевали поэты.

Женщина, ткающая ковер, воспроизводит цвет, клала нитки так, как учат ее глаза и многотысячелетняя культура.

Мы были в Таджикистане.

Абуб-Гасем Лахути — наследник этой великой культуры, седой и крепкий, смотрел на дальние горы, на высокую дугу, горюхия мне о лирике Ирана.

Был некогда поэт, вырванный в принцессу.

Ко двору принцессы привозили дань или людей, связанных за то, что они не хотели или не смогли привести дань.

Однажды утром поэт принес ей розы.

Принцесса посмотрела на него, как на раба, и сказала:

— Обясни, что это значит. Я не принимаю их.

И поэт тогда сказал стихи:

— Роза в твоём саду бутылка и горюха, что она тоже красива, и вот она перед тобой связана.

Поэзия Ирана — это связанные розы, которые или бутылки, или только красивы. Гасем Лахути — тот поэт Ирана, который сразу пошел со своими стихами к народу.

Иранская литература часто оказывалась написанной для царя и услышанной народом.

Поэзия Лахути ушла к тому, что ее слушали, он первый не испугал разочарования, потому что первый изменил дорогу.

Его отец был багманчик и говорил стихи. Лахути родился в Керманшахе и рано сам начал мыслить стихами.

Мальчик начал учиться в тефтеранской школе, но был исключен из нее, как «чуждый шумным людям».

Шестнадцати лет он принимал участие в революционном движении, писал и распространял агитационные стихи и песни.

В 1907 году он сражался в рядах иранских революционеров против шахского правительства.

В 1908 году Лахути в Северном Иране увидел, как провокаторы сеят националистическую рознь между турками, иранцами, курдами.

Лахути понял, что борьба Ирана и Турана

кончилась, что теперь идет борьба иранцев и турчан за свободу. Он сумел сплотить отряды и участвовать в походе на шахскую Тегеран.

Пораждало, как много иранского металла было найдено в пределах СССР, причем найдено в быту.

Эти вещи жили, с этих блуд ели, их рисунок подражали народные художники, их воспевали поэты.

Женщина, ткающая ковер, воспроизводит цвет, клала нитки так, как учат ее глаза и многотысячелетняя культура.

Мы были в Таджикистане.

Абуб-Гасем Лахути — наследник этой великой культуры, седой и крепкий, смотрел на дальние горы, на высокую дугу, горюхия мне о лирике Ирана.

Был некогда поэт, вырванный в принцессу.

Ко двору принцессы привозили дань или людей, связанных за то, что они не хотели или не смогли привести дань.

Однажды утром поэт принес ей розы.

Принцесса посмотрела на него, как на раба, и сказала:

— Обясни, что это значит. Я не принимаю их.

И поэт тогда сказал стихи:

— Роза в твоём саду бутылка и горюха, что она тоже красива, и вот она перед тобой связана.

Поэзия Ирана — это связанные розы, которые или бутылки, или только красивы. Гасем Лахути — тот поэт Ирана, который сразу пошел со своими стихами к народу.

Иранская литература часто оказывалась написанной для царя и услышанной народом.</

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

1855 г.

Т. Н. Грановский

16 октября 1855 г. умер Тимофей Николаевич Грановский, профессор истории Московского университета, выдающийся представитель западничества 40-х годов.

Грановский родился в 1813 г. в Орле в дворянской семье. В студенческие годы в Петербурге он сильно нуждался. Исключительная одаренность Грановского обратила на себя внимание, и он был в 1837 г. послан в Берлин для подготовки к профессуре. В 1839 г. он был назначен преподавателем Московского университета, в котором впоследствии занял кафедру всеобщей истории.

Необычайного блеска достигло его дарование в читавшихся им лекциях, о которых Чаадаев сказал, что «они имеют историческое значение». Влияния Грановский достиг громадного.

Главное значение Грановского заключается в пропаганде западного либерализма, являвшегося тогда господствующим идеологическим консерватизмом. «Очень немногие лица в нашей истории», — отмечалось о Грановском Чернышевский, — «имели такое могущественное влияние на пробуждение и насочувствование к высоким человеческим интересам». Герцен говорил, что Грановский «думал историей, учился историей и впоследствии делал пропаганду историей».

Воздействие взглядов Грановского было так велико, что он постоянно вызывал недовольные реакционных кругов. Но помешательский темперамент Грановского только ярче загорался от этого. «Постарайтесь оправдать и заслужить вражду моих врагов», писал он.

«Деспотизм громко говорит, что он не может ужиться с просвещением», говорил Грановский. В одном из последних своих писем он писал: «Быстро на нашем дворе дикое самовластие изживает людей». Эта фраза оказалась для него самого пророческой: Грановский умер в возрасте 42 лет.

1863 г.

Н. Г. Помыловский

17 октября 1863 г. умер Николай Герасимович Помыловский, талантливый представитель революционно-демократической литературы. За пролом его была густая толпа. «Не было тут, — отмечалось в «Очерках буре», — никаких официальных лиц... Уставая в грязь, провожали писателя также же немилые лица, но большей частью молодежи, как и он сам».

Литературная деятельность Помыловского — он умер 28 лет — продолжалась всего четыре года. Смерть помешала ему осуществить его главные замыслы, но то немногое, что было написано им, положило начало новой литературной школе сурового демократического реализма. «Он первый», писал Максим Горький, — «реально восстал против старой, дворянской литературной школы, первый решительно указал литераторам на необходимость «считать всех участников жизни» — являющихся, пожарных, извозчиков, бродяг и прочих».

Помыловский выступил в литературе в начале 60-х годов. Он первый ввел в литературу героя-разночинца с его грезным умом и энергией, тяжким трудом добывающего свое существование и восторгающегося своим существованием. «Мещанское счастье», «Молоток», «Революционная сила», «Дух общины», «После пожара», произведения Помыловского, обращая на себя внимание царской цензуры. «В повести «Мещанское счастье», — писал цензор, — оскорбительный плебей не скрывает своего основного презрения к аристократии и называет их «негодяи, аристократия, бары, кулаки, черти, мерзавцы».

Обличитель дворянства — Помыловский в то же время и страстный обличитель тупи и косности «мещанского счастья».

В «Очерках буре», проникнутый тем же духом обличения, Помыловский показал страшный «участок жизни» — школу, в которой готовили будущих «архистаростей».

Резкие контрасты социальных противоречий — тема последнего незаконченного романа Помыловского «Брат и сестра».

Время, в которое Помыловский начал свой последний роман, совпало с усилившейся правительственной реакцией. Он впал в апатию, запил, «пошел до пятой в своем жилище белой горячкой», как выразился он в одном из своих писем. После ареста Чернышевского, который был для него вождем и учителем, он погрузился в самоубийство.

Черная ночь реакции задушила писателя, о котором Чернышевский говорил, как о «человеке гоголевской и дерюмовской силы».

М. Горький, высоко ценявший творчество Помыловского, «стального и сурового реалиста», призывал к его изучению.

На секретариате
СССРЕще о Литературном
институте

На состоявшемся вчера заседании секретариата правления СССР снова встал вопрос о Литературном институте им. А. М. Горького. Хотя секретариат на прошлом заседании уже обсуждал этот вопрос.

Оказалось, что ни руководство института, ни руководство его заочной секции не информировало тогда секретариат о фактическом срыве начала учебной работы. До сих пор не созданы необходимые условия для начала заочных занятий — нет необходимых программ и методических разработок.

Секретариат СССР поручил т. Бакметеву и Исакову обследовать положение заочного отделения Литинститута, признав необходимым обеспечить начало заочной учебной работы к 1 ноября.

Журнал «Резен»
должен быть сохранен

Ленинградский литературно-художественный журнал «Резен» является единственным журналом, специально предназначенным для работы с начинающими писателями. Этот журнал в последние годы был фактически разорван разрозненными и не трошечки интересными на Ленинградском союзе писателей. От дальнейшего издания журнала «Резен» издательство Лениноблкомполка решительно отказывается.

Признавая необходимым сохранение журнала, секретариат решил просить Гослитиздат принять этот журнал в свою издательскую сеть.

Новые песни

ЛЕНИНГРАД (Наш. корр.). Закончился ленинградский конкурс на массовую песню к 20-летию Великой социалистической революции.

Конкурс был организован ленинградским союзом композиторов, Ленсоветом советских писателей и Музгизом. На него поступило 260 текстов и 265 музыкальных произведений.

Жюри конкурса не сочло возможным присудить первую и вторую премии авторам песен и текстов.

Третья и пятая премии присуждены композитору Д. Прицкеру — автору «Песни о советском казачестве», написанной на текст Ал. Прокофьева, и «Песни о Ленинграде» (слова Елены Рынковой).

Четвертую премию получила композитор Н. Левин за песню «Гей вы, степи кубанские» (слова А. Давидова).

За тексты песен третью премию получил В. Янчик — автор «Песни о Сталине». Четвертую и пятую премии — Елена Рынкова, автор двух «Песен о Ленинграде».

Поприятельские премии, кроме А. Давидова, присуждены также Е. Л. Полонской за «Молоток» и В. Кежуру — за «Песню о Шоре».

Жюри конкурса особо премировало не участвовавшего в конкурсе А. Прокофьева, тексты которого широко использованы композиторами.

Помыловский выступил в литературе в начале 60-х годов. Он первый ввел в литературу героя-разночинца с его грезным умом и энергией, тяжким трудом добывающего свое существование и восторгающегося своим существованием. «Мещанское счастье», «Молоток», «Революционная сила», «Дух общины», «После пожара», произведения Помыловского, обращая на себя внимание царской цензуры. «В повести «Мещанское счастье», — писал цензор, — оскорбительный плебей не скрывает своего основного презрения к аристократии и называет их «негодяи, аристократия, бары, кулаки, черти, мерзавцы».

Обличитель дворянства — Помыловский в то же время и страстный обличитель тупи и косности «мещанского счастья».

В «Очерках буре», проникнутый тем же духом обличения, Помыловский показал страшный «участок жизни» — школу, в которой готовили будущих «архистаростей».

Резкие контрасты социальных противоречий — тема последнего незаконченного романа Помыловского «Брат и сестра».

Время, в которое Помыловский начал свой последний роман, совпало с усилившейся правительственной реакцией. Он впал в апатию, запил, «пошел до пятой в своем жилище белой горячкой», как выразился он в одном из своих писем. После ареста Чернышевского, который был для него вождем и учителем, он погрузился в самоубийство.

Черная ночь реакции задушила писателя, о котором Чернышевский говорил, как о «человеке гоголевской и дерюмовской силы».

М. Горький, высоко ценявший творчество Помыловского, «стального и сурового реалиста», призывал к его изучению.

Черная ночь реакции задушила писателя, о котором Чернышевский говорил, как о «человеке гоголевской и дерюмовской силы».

М. Горький, высоко ценявший творчество Помыловского, «стального и сурового реалиста», призывал к его изучению.

Черная ночь реакции задушила писателя, о котором Чернышевский говорил, как о «человеке гоголевской и дерюмовской силы».

М. Горький, высоко ценявший творчество Помыловского, «стального и сурового реалиста», призывал к его изучению.

Черная ночь реакции задушила писателя, о котором Чернышевский говорил, как о «человеке гоголевской и дерюмовской силы».

М. Горький, высоко ценявший творчество Помыловского, «стального и сурового реалиста», призывал к его изучению.

Черная ночь реакции задушила писателя, о котором Чернышевский говорил, как о «человеке гоголевской и дерюмовской силы».

М. Горький, высоко ценявший творчество Помыловского, «стального и сурового реалиста», призывал к его изучению.

Черная ночь реакции задушила писателя, о котором Чернышевский говорил, как о «человеке гоголевской и дерюмовской силы».

М. Горький, высоко ценявший творчество Помыловского, «стального и сурового реалиста», призывал к его изучению.

Черная ночь реакции задушила писателя, о котором Чернышевский говорил, как о «человеке гоголевской и дерюмовской силы».

М. Горький, высоко ценявший творчество Помыловского, «стального и сурового реалиста», призывал к его изучению.

Черная ночь реакции задушила писателя, о котором Чернышевский говорил, как о «человеке гоголевской и дерюмовской силы».

М. Горький, высоко ценявший творчество Помыловского, «стального и сурового реалиста», призывал к его изучению.

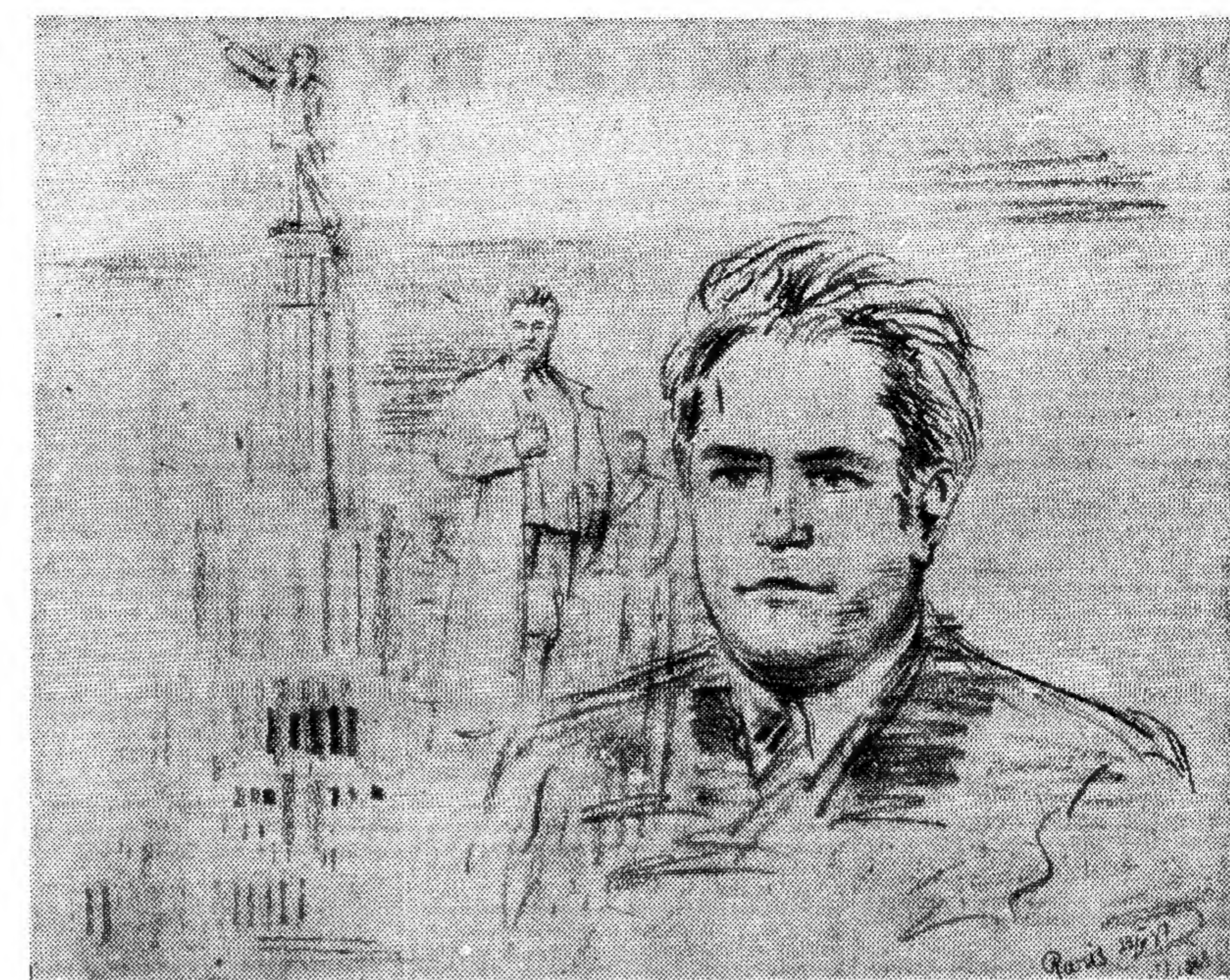
Черная ночь реакции задушила писателя, о котором Чернышевский говорил, как о «человеке гоголевской и дерюмовской силы».

М. Горький, высоко ценявший творчество Помыловского, «стального и сурового реалиста», призывал к его изучению.

Черная ночь реакции задушила писателя, о котором Чернышевский говорил, как о «человеке гоголевской и дерюмовской силы».

М. Горький, высоко ценявший творчество Помыловского, «стального и сурового реалиста», призывал к его изучению.

Черная ночь реакции задушила писателя, о котором Чернышевский говорил, как о «человеке гоголевской и дерюмовской силы».

Набросок художника Г. Ключика, сделанный 23 мая текущего года в то время, когда П. Вайян-Кутюрэ осматривал стелу московского метрополитена в Советском павильоне на Парижской выставке.

Верный друг трудящихся

Умер Поль Вайян-Кутюрэ. Ему было всего сорок лет. Писатель, боец народного фронта, он хотел и мог сделать еще очень много для счастья трудящихся.

Когда оглядываешься на пройденный им жизненный путь, видишь, как много общего и охотнее с Ари Барбосом было у него в творчестве и в борьбе.

Как и Ари Барбос, Поль Вайян-Кутюрэ начал свою литературную деятельность еще до войны: в 1913 году он выпустил книгу стихов, в которой смутная неуловимость интеллигентства не получила внятного выражения. С этой смутной неуловимостью он ушел на войну.

Он храбро дрался и был произведен в лейтенанты. Но во время этих боев он увидел подлинного врага культуры и цивилизации, подлинного врага человечества и ушел из окопов с твердой решимостью драться против него еще более упорно и стойко, чем он сражался на войне.

Выражением его нового сознания явились те книги, которые он написал после войны и которые он посвятил войне. Это повесть «В отпуску», это книга рассказов «Солдатская война», это сборник поэм «Гринадатт пласок смерти».

Уже в первой из них, где он просто и бесхитростно описывает свое переживание, впечатления в восторге во время десятидневного отпуска, проведенного в Париже, звучит то новое, что вошло в его жизнь: ненависть к войне, ненависть к ее виновникам. Он уже понимает, что в войне «меряют свои силы два любящих друг друга человека: сталь Круши и сталь Шейдера».

Барбос запечатлел для войны в своем бессмертном «Огне», Вайян-Кутюрэ в своих простых рассказах «Солдатская война» обаяние убийственного коша империалистической войны, и это его произведение может быть поставлено в ряд лучших произведений Барбоса.

Вайян-Кутюрэ не забывал о войне и в своем дальнейшем творчестве.

И так же, как Барбос, Вайян-Кутюрэ еще в годы империалистической войны стал в ряды антивоенных борцов. Вместе с Барбосом он принимал участие в организации «ассоциации бывших участников войны», а в 1920 году вступил в коммунистическую партию, чтобы в ее рядах бороться против капиталистического угнетения. Он был делегатом III Конгресса Коминтерна, он был активным деятелем французской компартии, членом ее центрального комитета, и черная из окривевших марксистско-ленинских мыслей, он нес слово правды и борьбы в народные массы.

И как Барбос, он был верным и преданным другом Советского Союза. В 1926 году он выпустил книгу «Месяц в Красной Москве», в которой опровергал клеветническую книгу французского писателя Ари Барбоса «Что я видел в Москве». Вайян-Кутюрэ написал всесторонне и детально

жизнь красной столицы и показал, как советский народ, преодолевая трудности, ликвидируя тяжелое наследство войны и империализма, строит новое хозяйство, новую жизнь, новую культуру.

В 1931 году он совершил длительную поездку по Советскому Союзу и выпустил три книги под общим названием «Строители новой жизни». Стены Украины, предгорья Северного Кавказа, средиземноморские равнины, беспредельные пространства Урала, завоеванные социалистической индустрией, нашли отражение в его книгах.

Колхозы, в короткий срок превратившиеся в цветущие поля и сады, новые люди колхозов, по-новому работающие и пожинающие богатые плоды своих трудов; ленинско-сталинская национальная политика, превращающая народы, лишенные культуры, не знавшие грамоты, в культурных строителей социализма; сталинский план индустриализации, воздвигший новые города и заводы-гиганты там, где вчера была пустыня, — вот темы его книг, которые останутся живым свидетельством героических побед социализма в стране Советов.

Он был в СССР еще недавно, в дни процесса антисоветского троцкистского центра, и его пламенные статьи рассказывали миру правду о преследениях караваном мечом протестантов покупок и вымогах аялентов Гестапо и японской полиции. И мы увидели бы его снова живого, здорового, пламенного в Москве в дни празднования 20-летия Великой социалистической революции, если бы смерть не помешала ему осуществить его намерение.

Главный редактор органа французской компартии «Юманите» и член французского парламента, он находил силы и время для многосторонней кипучей деятельности. Он приезжал в Испанию, чтобы потом в коротких рассказах-корреспонденциях повествовать о героиче республиканских боях, о варварстве фашистских интервентов, о мучениях и страданиях испанского народа. А возвращаясь из испанских окопов в свой Париж, он не только писал, он прилагал усилия, чтобы обеспечить помощь испанским детям и женщинам. Он неустанно трудился над сплочением народного фронта, над объединением всех переломных сил мира против варварского фашизма. Он был маром протестантов рабочего предместья Вильжюв, и там он проявлял подлинно отеческую заботу, чтобы создать рабочим культурную жизнь, чтобы воспитать рабочих детей для жизни и борьбы.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Понятно многообразие и богата замечательными делами была его, так рано оборвавшаяся, жизнь. Глубокая скорбь трудящихся Франции. Скорбь охваченных и сердца трудящихся страны Советов. Он был первым другом трудящихся, замечательным художником, беззаветным антифашистским борцом, и жизнь его, как и жизнь Ари Барбоса, служат примером для передовой интеллигенции мира.

Он радовался
за нашу страну

Это было накануне открытия Советского павильона на Парижской выставке. В громадных залах шла напряженная работа. Мы все уже испытывали радость, что павильон СССР будет открыт первым.

В один из этих дней я увидел в залах нашего павильона Вайяна Кутюрэ, его открытое добродушное лицо с ясными детскими глазами. Он с исключительным вниманием не только рассматривал, но и изучал каждый экспонат, каждую цифру, каждую картину, скульптуру, панно.

Я работал в последний зал выставки павильона «VIII Чрезвычайный Всесоюзный съезд Советов». Вайян Кутюрэ внимательно и долго рассматривал каждую деталь работы.

Никогда не забуду я замечательного, родного взгляда Вайяна Кутюрэ. Он радовался вместе с нами за нашу замечательную страну, — твердил он, — социалистический строй, радовался за наши успехи в промышленности, сельском хозяйстве, культуре и искусстве.

Г. КЛЮЧИК

Книга о Лу Сине

Издательство Академии наук СССР сделало в печать книгу о знаменитом китайском писателе Лу Сине, верном друге нашей страны и литературы, годовщина смерти которого исполняется 19 октября.

Статьи, посвященные Лу Сину, посвященные жизни и творчеству Лу Сина, которого не без оснований называли «китайским Горьким».

Размер сборника — 10 печатных листов. Книга о Лу Сине будет оформлена в стиле китайского оформительского искусства и снабжена иллюстрациями. Подготовлена она к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР.

«РАЗОБЛАЧИТЬ НАЦИОНАЛИСТОВ
ДО КОНЦА»

28 сентября оргбюро Киргизского союза советских писателей обсудило статью, напечатанную в № 50 «Л. Г.» от 15 сентября под названием «Разоблачить националистов до конца».

Оргбюро вынесло решение, что статья, правильно вскрывшая чрезвычайно серьезные болезни писательской организации Киргизии, «послужила толчком к развитию большинства критики, в связи с чем молодые писатели открыто выступили на страницах печати, вскрыли недостатки, имеющиеся в писательской организации, и резко критиковали беспечность и бездельность, царившую в правлении ССР».

Оргбюро решило созвать в ближайшее время общее собрание писателей для обсуждения этой статьи.